

Колдовские
М И Р Ы

ЛЕДЯНОЕ СЕРДЦЕ НЕ МОЖЕТ ЛЮБИТЬ

АННА ОДУВАЛОВА

МОЕ ЛЕДЯНОЕ ПРОКЛЯТИЕ

Анна Сергеевна Одувалова
Мое ледяное проклятье
Серия «Колдовские миры»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63112027
Мое ледяное проклятье: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-111919-5

Аннотация

Я храню тайну. Очень страшную тайну, о которой не знает никто, кроме моих родителей. Нельзя было возвращаться в Сноухельм и беречь прошлое, но я все же сделала это. И... превратила в ад не только свою жизнь, но и жизнь близких мне людей.

В этом заснеженном краю обитает мое ледяное проклятье. Тот, кто готов на все, чтобы уничтожить меня. И я очень хорошо его понимаю.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	51
Глава 5	66
Глава 6	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Анна Одувалова

Мое ледяное проклятье

Пролог

Снег за окном усиливался. Валил пушистыми, похожими на пух, хлопьями. Девочка лет двенадцати сидела на подоконнике, уткнувшись носом в стекло, и наблюдала за снегопадом. За кружащимися в свете городских фонарей снежинками, непривычно крупными и ажурными, за поземкой, бегущей по мостовой под окнами, за тем, как улица укутывается белым пледом.

Первый снег в этом году выпал очень поздно, прямо перед самым праздником зимы. Совпали два волшебных события, когда можно загадать самое заветное желание и оно обязательно сбудется. Такое желание у девочки было одно, но очень и очень сильное. И почему-то именно сегодня, в такой сказочный день, казалось, что оно сбудется. Не прямо сейчас, конечно, а через несколько лет. Но мечтать-то можно!

– Валенси! Иди сюда! – радостно крикнула мама с первого этажа. – Скорее! У нас такая радость! Ты даже не представляешь!

Валенси, не выпуская из рук книжки, которую читала, когда не таращилась в окно на снежинки, соскочила с подокон-

ника и кинулась из комнаты на лестницу. А потом вниз, в зал, уже украшенный к празднику. Длинные кудрявые волосы развевались за спиной, словно языки пламени, – такие же непослушные и ярко-рыжие.

У камина возвышалась огромная, почти трехметровая ель, которую они с сестрой закончили украшать с утра. Под елью лежали подарки, а рядом, взявшись за руки, стояли парень с девушкой.

Девушка – тоже рыжеволосая, очень симпатичная, но значительно старше Валенси. А парень – блондин с голубыми глазами и очаровательной улыбкой.

Валенси замерла на лестнице и бросила недоуменный взгляд на маму. На парня она старалась не смотреть. Он был таким красивым, взрослым... и принадлежал ее сестре. Пока. Но когда-нибудь, когда Валенси вырастет, все изменится. Не зря же она загадала желание?

От этих мыслей сердце сжалось в сладостном предвкушении, но мама все разрушила одной фразой:

– Поздравь сестру, Вал, после зимнего праздника ее ждет свадьба! Ранион сделал предложение! А ты будешь прекрасна, как маленький ангелок. И понесешь за сестрой фату.

– Что... – бледнея, пробормотала Валенси и взглянула на сестру, как на предательницу. Хотя она таковой не была.

– Мы женимся, Вал, – усмехнулся парень и открыто улыбнулся. Так, как умел делать только он. – Ну же, Рыжик, иди поздравь нас! Что за взгляд?!

«Что за взгляд? Да как он может?!»

Руки дрожали, а из глаз катились слезы. Он всегда видел в ней только ребенка. Она была ребенком!

«Тебе еще рано любить, – смеясь, говорила мама. – Тебе надо играть в куклы».

Валенси и играла. А еще иногда подглядывала за Ранионом и понимала: для любви нет возраста. А он решил жениться на Женевьев!

– Я вас ненавижу! – воскликнула Валенси и помчалась наверх, в свою комнату, но на ступенях обронила старинную книгу в кожаном переплете. На обложке была нарисована девушка на фоне замка и парящий в небе снежный дракон, а внизу написано название: «Ледяная душа».

Девчонка пробежала несколько ступеней, но потом остановилась как вкопанная, подобрала книгу и гордо удалилась, с трудом сдерживая слезы. И только у себя в комнате разрыдалась, повторяя вновь и вновь: «Ненавижу!»

Валенси снова открыла любимую книгу, которую ей подарили на прошлое Рождество. Тогда Женевьев и Ранион только начали встречаться. Парень напоминал ледяного дракона из сказки, такой же красивый и немного отстраненный. А еще он оказался добрым, веселым и вообще просто замечательным!

Чувство к Раниону нельзя назвать любовью, это было всепоглощающее детское обожание, которое переросло в такую же безграничную ненависть. Решение пришло внезапно.

Ярость была сильной.

Скрестив ноги, Валенси уселась на кровать, открыла книгу и начала плести первое в жизни самостоятельное заклинание, благо подсказок в тексте имелось предостаточно. Заклинание получилось с первого раза, потому что его подпитывали искренние и очень сильные чувства. Разбитое сердце всегда усиливает магию.

Когда с губ слетели последние слова, Валенси отключилась. Пришла в себя от тихого шепота побледневшей мамы, которая замерла в дверях комнаты.

– Милая, что же ты натворила?!

Глава 1

– Что же ты натворила? – Эти слова преследовали меня последние восемь лет. Их говорили родные, когда спешно собирали мои вещи, чтобы навсегда выставить из родительского дома, их не раз повторяла я самой себе. Даже сейчас они крутились в голове привычным шумовым фоном.

Я сидела в почтовом экипаже и чувствовала, как мерзнут руки. Не спасали ни меховые рукавицы, утепленные заклинаниями, ни отопительные камни в повозке. Пэрсикку тоже было некомфортно. Он жался ближе к шубе из густого серебристого меха и укоризненно смотрел на меня своими янтарными и круглыми, как у совы, глазами. На приплюснутой морде явно читалось: «Хозяйка, ты совсем того, раз привезла нас в такое отвратительное место?»

Наверное, и правда «того». Мне действительно не стоило сюда ехать. И не только из-за кошмарной погоды.

– Ну прости, пушистый, – пробормотала я, чтобы как-то побороть волнение. – Тут зверски холодно, мы с тобой к такому не привыкли. Но так надо, поверь.

– Это последние лет десять! – поморщился мужичок с сиденья напротив, кутаясь в овчинный тулуп. – Раньше нормальная погода была. А как этот в замке на горе поселился, так холодища настала! Хоть, как в давние времена, начинай девственниц в жертву приносить! Может, тогда потеплеет!

– А ты дурь не мели! – шикнула на него толстая жена в необъятной шубе. – Девственниц! Ишь! Где ж их в нынешние времена найдешь?

Я молчала. И действительно помнила Сноухельм другим. Снег в предгорье иногда выпадал рано, но весной таял быстро, а лето радовало жаркой погодой. Раньше в это время только начинала опадать листва и долина казалась усыпанной золотом. Золото в кронах, золото в лужах – я любила такую погоду. Она мне подходила. Осенью волосы не казались такими полыхающе-яркими.

Но все изменилось. Только не десять лет назад, а восемь. Из-за меня. С тех пор, как я сотворила нечто ужасное, погода в долине испортилась, а я ни разу не была дома.

Меня отослали учиться в жаркий южный Тамбул – с солеными брызгами моря, разговорчивыми людьми и строгими нравами. Сначала четыре года закрытой школы магии для сложных девочек, а потом – высшая магическая академия для одаренных ведьм.

Подруги, студенческая жизнь и кот Пэрсик, который появился у меня на втором курсе. «П-э-эрсик», – именно так, растягивая гласную на южный манер, окрестила маленький светло-рыжий комочек моя подруга.

Имя прижилось, Пэрсик тоже. То время было почти счастливым. Родители не хотели, чтобы я возвращалась. Да я и сама ни за что не рискнула бы приехать в Сноухельм, если бы не несчастье, произошедшее в нашей семье, и не моя оче-

редная глупость. Сход лавины унес разом жизнь и мамы, и отца. Женеви́ев с мужем и маленькой дочкой, которую я еще не видела, остались живы, и я поняла, что не смогу прятаться вечно. Я должна навестить родных и, возможно, заплатить по счетам. Правда, про это думать не хотелось. Ну и заодно сбежать из того места, которое последние восемь лет я считала домом.

На похороны мамы и папы я не успела. Тогда, восемь лет назад, я видела их в последний раз, как и сестру. Сердце сжималось от боли, а еще оттого, что я не могла нормально прочувствовать эту боль. Восемь лет – огромный срок. Двенадцать и двадцать – это два разных человека. Родителей безумно любила та маленькая и глупая Валенси, которая в один миг уничтожила сразу несколько жизней. А вот взрослая Валенси их не знала. Она просто спешила сбежать от человека, который разбил вдребезги ее сердце и не хотел на этом ставить точку. А я так не могла. Должна была умчаться как можно дальше.

Идея вернуться и навестить долину, где я совершила самую большую ошибку в своей жизни, ошибку, которую нерешительно исправить, казалась здоровой. Нужно поставить точки везде, а потом уже думать, как устроить жизнь.

«Несколько дней, – твердила я себе. – Всего несколько дней, чтобы навсегда проститься с прошлым». Впрочем, я не знала, почему еду. Возможно, потому, что съедающее чувство вины за это время не стало меньше.

Экипаж остановился возле станции. Я запихнула сопротивляющегося Пэрсика в меховую переноску, дождалась, когда мне выдадут огромный чемодан на колесиках, и замерла на площади. Я помнила ее совсем другой. В ярких новогодних огнях, сверкающей. А сейчас – огромные сугробы, заледевшие мостовые... И не скажешь, что до зимнего праздника еще три долгих месяца. Снег и лед стали частью города, потому что не таяли уже восемь лет.

– Давайте мы вас проводим? – предложил словоохотливый мужичок из экипажа, проигнорировав недовольный взгляд жены. – У нас тут улочки узкие, петляющие, немудрено заплутать. Да и темнеет уже.

– Это ни к чему, спасибо. Я сама найду дорогу. Я выросла в Сноухельме.

Взгляд, которым меня окинули, был на редкость удивленным. Да, я не походила на местную жительницу. Зеленые глаза, медные волосы и смуглая кожа. Нет, когда-то я тоже была белокожей, но за годы жизни на побережье насквозь пропиталась южным солнышком, а шубка в пол из меха серебристой паркули только подчеркивала непривычный для этих мест загар. Сейчас я смотрелась как настоящая южанка.

Это и к лучшему. В Сноухельме мало кто связал со мной трагические события восьмилетней давности, но мне очень не хотелось быть узнанной.

Осталось лишь два человека, которые могли рассказать правду. Женевьев молчала восемь лет, хотя, подозреваю, не

перестала меня ненавидеть. А Ранион...

С ним все было сложнее.

* * *

Ноги сами несли в нужном направлении. Чемодан стучал по промороженной, тщательно расчищенной брусчатке. А Пэрсик недовольно возился в переноске. Можно было поймать экипаж, но мне хотелось прогуляться. Несмотря на ветер, мороз и колючие снежинки, которые жалили щеки. Вспомнить тихие улицы и прочувствовать на себе то, что случилось с долиной по моей вине.

До родительского дома было недалеко – всего пара кварталов, но я все равно замерзла просто смертельно. Казалось, что иду не в симпатичных кожаных сапожках на меху, а в легких туфлях. Рука примерзла к сумке, а нос хотелось скорее засунуть под теплый шарф. Попадающиеся навстречу люди тоже были в длинных шубах и меховых шапках, но выглядели не такими замерзшими, как я. Наверное, привыкли к вечному холоду.

Уже близилось время ужина, и прохожих было не так много. И ни одного знакомого лица. Это радовало. Впрочем, меня помнили рыженькой несуразной девчонкой двенадцати лет. А сейчас я выросла, смею надеяться, похорошела, ну и шуба тоже делала свое дело. Узнать человека сложнее, если наружу торчит только нос.

Перед знакомой дверью я замерла, сжала зубы и, чувствуя, что сердце сейчас выскочит из груди от волнения, постучала.

Дверь открыли не сразу. На пороге появилась Женеьев. На ее лице отразился испуг, такой заметный, что мне стало не по себе. Сестра почти не изменилась за восемь лет. Красивая девятнадцатилетняя девушка превратилась в не менее красивую, эффектную молодую женщину. Разве что черты лица стали чуть мягче, а линии фигуры – плавнее.

– Не пригласишь войти? – робея, спросила я, и сестра бросила на меня жесткий взгляд.

– Ты зря сюда приехала, Валенси. Не представляешь даже, насколько зря.

– Женеьев, там кто? – За спиной моей сестры появился Дэвид – друг детства. Я слышала, что лет пять назад они поженились. На руках у него сидела симпатичная девчушка с рыжими кудрявыми волосами.

– Вал... – пробормотал мужчина и отступил, прикрывая малышку свободной рукой, словно я могла с ней что-то сделать.

Замечательно. Меня тут боялись.

– Тебе лучше уйти, Вал, – отозвалась Женеьев устало. – Ты зря проделала такой долгий путь.

– Но это и мой дом тоже, – попыталась возразить я. Я репетировала этот разговор не раз, но все равно робела и потеряла все тщательно заученные аргументы.

– Мама с папой не указали тебя в завещании. Так что уже

не твой, – с легкой печалью в голосе добавила сестра. – Не потому, что не любили, а потому, что знали – тебе нельзя сюда возвращаться. Уезжай.

– Прости, но сегодня уже не смогу. Да и некуда пока.

– Очень жаль. Завтра может быть поздно, – сказала она и захлопнула дверь прямо у меня перед носом.

Глаза обожгли злые слезы. Я предполагала нечто подобное, именно поэтому на всякий случай забронировала гостиницу. Но все равно было обидно. Рассчитывала хотя бы на пару часов вежливости и чай. Впрочем, после того, что я сотворила с ее жизнью и мечтами, Женевьев имела право меня ненавидеть.

Отдохну, выплещу и завтра зайду снова. Заберу несколько милых сердцу безделушек (надеюсь, их не выкинули), навещу могилу родителей и уеду. Главное – определиться куда. Зато увидела свою племяншку, хоть и мельком.

Признаться, устала так, что готова была сесть и начать рыдать на пороге, лишь бы меня пустили в теплый дом и в кровать. Но это было глупо, а гостиница располагалась совсем недалеко.

– Остался последний рывок, пушистый комок шерсти! – сказала я Пэрсику, который перетаптывался в переноске. То ли замерз, то ли хотел есть, а может, в туалет или просто жаждал вырваться из ненавистой клетки. – Скажи спасибо, что она хотя бы теплая. Твой мех плюс мех в переноске – это значительно лучше, чем просто твой мех.

К счастью, в гостинице обошлось без проблем. Оказаться на улице в такой мороз – то еще испытание. Мне вручили ключи от комнаты на третьем этаже, и посыльный подхватил мои чемоданы.

– Надолго к нам, леди? – вежливо спросила администратор. Уже немолодая, но ухоженная и подтянутая женщина.

– Пока не знаю. – Я улыбнулась. – На пару дней.

– Оставайтесь подольше, у нас тут очень красиво.

– И холодно.

– Чем холоднее морозы, тем горячее мужчины, – подмигнула она, и я поспешила в свою комнату. Нет уж, горячими мужчинами я сыта по горло.

Первым делом достала из переноски Пэрсика. Он тут же пулей метнулся под шифоньер и там затаился. Я очень надеялась, что он заныкался туда прятаться, а не гадить. Потом скинула шубу, сапоги и с размаха рухнула на широкую кровать. Здесь было значительно теплее, чем на улице, но я все равно завернулась в огромное пуховое одеяло. Нужно было поспать, а потом уже думать.

На улице усилилась непогода. Ветер швырял снег в окна, завывал над ухом, и от этих звуков, пурги и незнакомого места становилось жутко. Погода словно злилась на меня. А может быть, не погода? Может быть, мой визит уже не секрет?

От этих мыслей стало страшно. Не думала, что за мной кто-то пристально следит, ждет восемь лет, чтобы отомстить... Но вдруг и правда следовало держаться от Сно-

ухельма подальше?

Уснуть получилось не сразу. Слишком много мыслей крутилось в голове. А еще страх. Липкий, не дающий спокойно дышать. Моя, казалось бы, налаженная жизнь снова сделала резкий поворот. Неделию назад я вернулась с собеседования с радостной мыслью, что наконец-то работа у меня в кармане. Это был самый счастливый день в моей жизни, пока меня не накрыло сразу двумя отвратительными новостями. Пришла телеграмма о смерти родителей. Сжимая в руках стремительно тающий листочек бумаги, я кинулась к Дилану. Здесь он был моим самым близким человеком. Лиззи уехала еще два месяца назад, и в целом мне и болью-то больше поделиться было не с кем.

С Диланом мы встречались с третьего курса, и свадебное платье уже висело в шкафу у него дома. Я должна была сдать ключи от своей комнаты и переехать к жениху. До свадьбы оставалось меньше десяти дней.

Дилан не ждал меня. Я не имела привычки навещать его роскошный особняк без приглашения. Соблюдала дистанцию и старалась быть примерной и послушной девочкой. Но известие о смерти родителей выбило меня из колеи, и я явилась без предупреждения. Не обратила внимания на недовольное ворчание дворецкого, на напряженный и обреченный взгляд матери Дилана и влетела в его комнату со слезами на глазах, чтобы как вкопанная замереть на пороге.

«Ты самое дорогое, что у меня есть. И невинность должна

сохранить до свадьбы. Мы подождем», – говорил он, и я была благодарна жениху за такое несвойственное мужчине терпение. «Я никогда не позволю тебе опуститься до подобного унижения и не заставляю делать все эти гадкие вещи. Только после свадьбы и только так, как подобает жене благородного рея. Ты моя муза, вдохновение...»

Увиденное в комнате просто вышибло дух из легких. Оно не вписывалось во все то, что говорил мне Дилан. Ни эстетизма, ни благородства. Кристин была доступной, красивой и точно не хранила невинность до свадьбы. Она стояла с задранной юбкой на коленях перед моим будущим мужем, и светлый водопад волос закрывал самое постыдное. На лице Дилана застыло выражение всепоглощающего блаженства, а его рука крепко сжимала ягодицу девушки.

Кровь прилила к щекам. Кажется, я вскрикнула.

Потом я просто сбежала и отказалась говорить, когда бывший жених посмел заявиться вечером. Это в его понимании произошедшее ничего не значило.

– Ты же в курсе, что нужно предупреждать о своих визитах? – спросил он. – Сама виновата. И зачем теперь реветь?

Я молчала, понимая и то, что он не испытывает угрызений совести, и то, что подобное происходило регулярно. Последующие слова только подтвердили мои мысли.

– У мужчин свои потребности, – добавил Дилан. – Не нужно строить из себя обиженную дурочку. Ты же понимаешь: если я захочу, ты не сможешь найти в этом городе ни жилье,

ни работу.

Я знала: он прав. Его отец влиятельный человек, и испортить мне жизнь не составит труда. Но не собиралась делать вид, будто ничего не произошло, и переступить через собственную гордость. Поэтому собрала чемодан, прихватила Пэрсика и сбежала. Быстро и необдуманно. И теперь, кутаясь в пуховое одеяло, вздрагивала от ветра, завывающего за окном. Я думала о том, что в Сноухельме, возможно, поджидает кое-что похуже, чем неадекватный бывший, желающий превратить меня в послушную жену. А одна-две любовницы станут приятным бонусом к унылой супружеской жизни. Ведь это же естественно! Он же просто мужчина со своими потребностями.

Я уснула, когда под одеяло протиснулся Пэрсик. Скользнул лохматым ужом со стороны головы, прополз к ногам, там развернулся и выбрался ближе к лицу, уютно устроившись на сгибе моей руки. Кисточки на ушах щекотали мне нос, а длинный пушистый хвост лежал на коленях.

Под завывание ветра спалось удивительно хорошо, поэтому проснулась я поздно. Открыла глаза и первое, что заметила, – покрытое морозными узорами окно. Причудливые ледяные цветы, красивые снежинки, и в середине этого великолепия – ледяная лаконичная надпись, словно выведенная на стекле уверенной рукой:

«Я ждал тебя, Рыжик».

От этих слов стало настолько страшно, что я кубарем ска-

тилась с кровати. Потом отдышалась, выдала Пэрсикку его корм и со скоростью света оделась. Засунула кота в переноску и, схватив чемодан, кинулась к выходу, думая лишь о том, какая же я дура! Нельзя было возвращаться. И уж совсем точно не стоит задерживаться.

На стойке администратора меня остановили.

– Уже уезжаете? – удивленно спросила администратор, а я лишь кивнула и пробормотала:

– Да, возникли неотложные дела.

– Неотложные дела несовместимы со Сноухельмом, – сочувствующе произнесла женщина.

Но я не была настроена на разговор. Хотела сбежать как можно быстрее. Наверное, на меня нашло помрачение, когда я решила сюда вернуться. Думала, спасусь от Дилана, который не сунется в замороженную долину. Только вот сейчас бывший казался менее серьезной проблемой.

Хлопнула дверь, и в холле гостиницы появился похожий на сугроб мужчина в огромном тулупе. Отряхнул снег с плеч и басом сказал:

– Да, снегопадище знатный, давно таких не было. А чтобы вы знали, метет у нас даже в июле!

– Вот поэтому лучший вариант – уехать! – сказала я и положила ключи на стойку. – У меня котик не любит мороз.

– Заберите их. – Администратор вздохнула, а я непонимающе уставилась на нее.

Прояснил ситуацию мужчина.

– На неделю как минимум ты тут застряла, милая. В долине мы зависим от прихотей погоды. Все дороги из города завалило, а снег и не думает прекращаться.

Я замерла как вкопанная, а в голове билась одна-единственная мысль: «Он никуда не отпустит».

В комнату я возвращалась словно на заклатие, не понимая, как теперь быть. А когда уселась на кровать, заметила на стекле новую надпись.

«Ты не сможешь от меня сбежать».

Сердце пропустило удар и рухнуло в желудок.

Глава 2

В себя меня привел только обиженный до глубины души вопль Пэрсика из недр меховой переноски. Оказывается, я пребывала в таком шоке, что забыла выпустить на волю свою любимую мохнатую скотину. Кот честно подождал какое-то время, а потом все же выразил недовольство мявом и шкрябаньем.

– И что же нам теперь делать, Пэрсик... – простонала я, прижимая к себе брыкающееся пушистое тельце. – Мне очень, очень не нравится, что мы тут с тобой застряли. А еще мне очень и очень страшно, потому что в детстве я была плохой девочкой и натворила много дел.

– Мыр-р-р? – спросил Пэрсик, вывернулся у меня из рук и, спрыгнув на пол, с деловым видом пошел к сумке, на дне которой лежала кошачья мечта – кусочки вяленого мяса.

– Тебе хорошо, зверь, – заметила я. – А меня кто покормит?

Есть хотелось неимоверно. Я еще не завтракала, а время близилось к обеду. Снег за окном не прекращался, завывал ветер, и я искренне надеялась, что в гостинице есть ресторан. Совсем нежелательно искать кафешку за пределами этого здания.

Моя южная одежда не подходила для Сноухельма. Я не предполагала, что тут стало настолько холодно, и не расчи-

тывала, что задержусь. Придется покупать себе что-то по сезону.

Об этом я думала, влезая в узкое красное платье с открытыми плечами. В нем было зябко, пришлось взять серую вязаную кофту, которая совершенно не вязалась с образом. Но мне было все равно. Меня пугали послания на стеклах. Я не была душой и понимала: это только начало. Но какие действия он предпримет дальше? Не убьет же? Если бы хотел, сделал бы это по пути сюда. Я в очередной раз совершила глупость. Сама угодила в ловушку. Ведь знала – возвращаться нельзя.

Заплела непослушные рыжие волосы в косу и спустилась вниз, чтобы узнать, где здесь кормят. А в холле меня ждал сюрприз. Женская фигура у стойки показалась знакомой.

– Жен... – удивленно протянула я, все еще не веря собственным глазам.

Женщина обернулась, и я узнала сестру, которая казалась крупней из-за пушистой шубы в пол. Черный мех отливал гляncем. На его фоне глаза Женевьев смотрелись особенно ярко.

– Привет. – Она устало улыбнулась. – Прости, что выставила тебя вчера. Просто растерялась и испугалась. Нам надо поговорить. В этом ты права.

– Хорошо. – Я была обескуражена. К чему такая смена позиции?

– А еще я принесла несколько теплых платьев. Смотрю

на тебя и понимаю, что решение верное. Ты представления не имеешь, в чем тут нужно ходить, чтобы не замерзнуть к демонам, – в голосе нескрываемый укор, но я лишь слегка улыбнулась, глотая намек. Мне нечего сказать. Женевьев права.

Она протянула пакет с вещами.

– Так, может быть, поднимешься со мной? Поговорим в номере, у камина, – предложила я скорее из вежливости, потому что все еще лелеяла мечту о завтраке. Желудок сводило от голода, и я готова была продаться в рабство за тарелку каши.

– Можно, – не стала спорить сестра. – Но ты зачем-то спускалась вниз.

– Просто не завтракала, – не стала отпираться я.

– Тогда составлю тебе компанию. Я уже ела, но кофе выпью с удовольствием. Только сначала переоденься. Смотреть на тебя холодно.

– А тут есть ресторан?

– Конечно, – важно кивнула администратор, которая стала свидетельницей нашего разговора. – На минус первом этаже. Спуститесь по лестнице, и там не промахнетесь.

– Тогда давай остановимся на ресторане. Я и правда очень хочу есть. Вчера только обедала.

Женевьев кивнула и устроилась ждать меня на диванчике. Шубу она расстегнула, но снимать не стала.

Сестра была более фигуристой, нежели я. Ее платье сиде-

ло на мне свободно, но это совершенно его не портило. Да и меня, если честно, тоже. Длинное, в пол, светло-голубое, с воротником-хомутом из нежнейшей шелковистой шерсти, очень теплое и мягкое. Только переодевшись, я поняла, насколько мне было неуютно до этого.

Ресторан оказался вполне приличным и уютным, стилизованным под настоящий погреб. Единственное, что его портило, – отсутствие окон. У стен стояли бочки, а на специальных подставках лежали бутылки вина. Симпатично и мило. А то, что нет окон, даже к лучшему. Нет окон – нет морозных узоров, которые меня изрядно пугали.

Я заказала себе завтрак, а Женеьев – кофе. Сначала мы просто молчали. Прошло восемь лет с нашей последней встречи. Тогда сестра рыдала в три ручья и говорила, что ненавидит меня. Я и сама себя ненавидела. Это чувство не утихло и до сих пор.

– Зачем ты приехала, Валенси? – наконец произнесла сестра. – Правда, зачем? Мама с папой так много сделали, чтобы этого никогда не произошло. Бабушка последние годы доживала недалеко от тебя и оставила тебе наследство, чтобы ты ни в чем не нуждалась и, не дай боги, не сунулась сюда. Но ты все равно вернулась. Я не понимаю этих суицидальных наклонностей. Тебе жить надоело?

– Прости. – Я сглотнула. – Мне нужно было сбежать. И хотелось попрощаться с родителями.

– Им все равно. Как ни жестоко это звучит, но правда. Они

не могут оценить твой поступок. А если бы могли, папа, как в детстве, устроил бы тебе порку.

– Еще я хотела увидеть твою дочку...

– Китти. – Черты лица Женевьев смягчились. – Она прекрасна, однако своим появлением ты и ее подвергаешь опасности. Ты выросла, Вал, но так и не перестала думать только о себе и собственных желаниях.

– Прости. – Я опустила глаза. – Все так плохо?

– Все еще хуже, чем ты себе представляешь. Пожалуй, в полной мере то, что случилось, осознала лишь мама, иначе не отослала бы тебя в этот же день. Она хотела заставить уехать и меня, но я думала, что сумею обратить колдовство вспять. Я думала, мы любим друг друга по-настоящему. Но... видимо, кто-то из нас врал. Ранион решил, что я. А может, даже себе не захотел признаваться. Или просто ничего нельзя было изменить. Даже в тот момент. Ты всегда казалась сильной.

– Я тогда была сильной, – поправка казалась важной. Слышать рассказ Женевьев было больно, и я с трудом сдерживала слезы. Знала, что будет тяжело, но не думала, что настолько. – Почему ты не уехала потом? Ну, когда поняла...

– Когда поняла что?

– То, что ничего нельзя исправить. Не говори, что еще любишь его, – я невесело усмехнулась. – У тебя муж, дочь.

– Дэвид всегда находился рядом и поддерживал меня. Не знаю, когда дружба переросла во что-то большее. Такой по-

ворот оказался полной неожиданностью даже для меня. Перед нашей свадьбой ударил такой мороз, что в домах лопались стекла, метелища была жуткая. Я думала, город замерзнет и вымрет вместе с нами.

– Это сделал он?

– Да. Потом я нашла в себе силы поговорить с ним. Мороз отступил. Но мне до сих пор страшно. А не уехала, потому что он не позволил. Едва я паковала чемодан...

– Начиналась выюга? – понимающе кивнула я.

– Да, три-пять бесплодных попыток. Тогда же, после свадьбы, он сказал, что хочет, чтобы мы жили в Сноухельме. Я, моя маленькая дочь, наше семейное счастье... Это заставляет его страдать. – На глазах Женевьев появились слезы. – Он говорит, что только это и ненависть позволяют ему почувствовать себя хоть чуточку живым.

– Ненависть ко мне... – прошептала я, сглотнув.

– Да, Вал. Он не выпустит тебя из города. И если я вызываю у него лишь горькие воспоминания о неудавшейся любви, то ты...

– Я вызываю ненависть. Он убьет меня?

– Ты же доехала до гостиницы. Сейчас на улице просто метет. Нет. Если бы он хотел убить, ты была бы уже мертва. Мне кажется, это для него слишком просто.

– И что мне делать?

– Не знаю. Приходи сегодня на ужин, – неожиданно сказала Женевьев.

– Но как же вчера?.. – удивленно спросила я, поражаясь тому, как быстро разговор свернул совсем в другую сторону.

– Вчера я была обескуражена и надеялась, что ты одумаешься и успеешь сбежать. Но утром выглянула в окно и поняла: он знает, что ты тут. Бесполезно пытаться защитить себя, семью и тебя. Если он захочет шантажировать тебя нами или нас тобой... он сделает это. Поэтому все равно, ужинаешь ты у нас или здесь. Если хочешь – даже вещи можешь собрать. Твоя комната не тронута с момента отъезда. Добро пожаловать домой, Валенси.

– У меня кот...

– Если он стойко вынесет присутствие маленькой любопытной девочки – бери и кота.

Женевьев допила кофе, улыбнулась мне и встала. В ее глазах не было сестринской любви, но и ненависти не осталось. Только боль из-за того, что наша жизнь сложилась таким образом.

Я еще посидела за столом, пытаюсь переосмыслить разговор. После всего случившегося я сразу уехала, поэтому последствия своего поступка понимала очень слабо. А они были. Я чувствовала: если не получится сбежать, мне неминуемо придется с ними столкнуться. А еще рано или поздно придется встретиться с ним. И эта мысль заставляла сердце панически биться. Тот, кого я обожала, превратился в мой самый большой кошмар.

Руки мелко дрожали. Я замерзла, несмотря на теплое пла-

ть, потрескивающий в камине огонь и отопительные камни. Пришлось заказать еще кофе и спрятать узкие ладони в длинных вязаных рукавах. Может быть, все это ошибка, плод моего больного воображения. Просто снегопад, просто страх. Ведь он не может знать, что я снова в Стоунхельме.

В реальность меня вернули воспоминания о морозных узорах и его посланиях на стекле. Он все знает. И помнит обо всем. Какая же я идиотка! Расслабилась за восемь лет, жила слишком далеко от этого ледяного ада, чтобы воспринимать его всерьез... И сейчас меня неминуемо настигнет расплата. Только неизвестно, какой она будет. И от этого становилось еще страшнее.

Чашка опустела. Я расплатилась и отправилась в номер. На стеклах застыл узор из колючих кристаллов. Через небольшое, не замороженное насквозь окошечко виднелась улица. Ясная, с искрящимися сугробами и людьми, которые пытались с лопатами пробиться сквозь ночные заносы. Метель закончилась, даже выглянуло робкое солнышко. «Он больше не злится, – мелькнула в голове шальная мысль. – Я все делаю правильно».

Откуда это у меня в голове? Бред.

До вечера оставалось несколько часов, а я совсем не знала, чем себя занять. По городу гулять не хотелось. Мне и тут было не жарко. К тому же половина тропинок еще не расчищена, а пробираться по сугробам в неизвестном направлении – сомнительное удовольствие. Поэтому я завалилась

с Пэрсиком на кровать и продрыхла почти до самого ужина. Так, что пришлось подсказывать и спешно собираться. Слава богам, на все сборы ушло несколько минут. Оставалось накинуть шубу и пихнуть Пэрсика в переноску.

Кот очень быстро учуял неладное и хотел сбежать – поганая лохматая скотинка. Пришлось выуживать его из-под кровати. Победа оказалась за мной, к тому же я немного согрелась.

К вечеру тротуары разгребли, и передвигаться стало вполне комфортно. Главное – держать равновесие и не скользить. Мороз обжигал нос, от теплого дыхания оседал инеем на шарфе и пробирался под подол шубы, чтобы ущипнуть за колени. Зато до дома я добежала удивительно быстро.

– Заходи! – Женеьев даже улыбнулась, а малышка на руках смотрела на меня настороженно и с вызовом. Ярко-рыжие кудряшки торчали во все стороны, прямо как у меня. У самой Женеьев волосы всегда были тяжелые, послушные и падали легкой волной на спину.

– Ты кто? – спросила малышка без приветствия.

– Валенси... твоя тетя.

– Мама говорит, что с незнакомыми тетями разговаривать нельзя.

– Твоя мама права, но мы обязательно познакомимся. Прости, малыш, я не принесла тебе подарок, но... – Я сделала театральную паузу, интригуя ребенка. – Привела того, кто может стать хорошим другом.

Шагнула в прихожую, сняла шубу и повесила на вешалку возле входа. Сделала это на автомате. Вешалка стояла в том же углу, что и раньше. Она была гостевой, но я и не претендовала на хозяйскую. Я тут просто гостья.

После этого опустилась на колени и открыла переноску, откуда с крайне недовольной миной выбрался Пэрсик. Точнее, сначала выбрался длинный хвост, потом толстый пушистый зад, а уже потом – недовольная приплюснутая морда.

– Его зовут Пэрсик!

– У-у-у! – взвилась Китти с рук матери и кинулась к коту, намереваясь сграбастать в охапку. Пэрсик испуганно попятился и посмотрел на меня с таким укором, что даже стало его жаль.

– Эй! – позвала я племяшку. – Пэрсик живой. И он напуган, так как впервые в этом доме, да и вообще в этом городе. Ему холодно, страшно и немного одиноко.

– Нельзя его обижать, – понимающе кивнула девчушка. – А жалеть? – Она раскинула ручки и, словно коршун, двинулась к коту.

– Жалеть тоже, – заметила Женевьев, готовая спасти кота от дочери.

– Давай ты просто покажешь Пэрсiku дом? И тогда он, думаю, разрешит тебе себя погладить!

Пэрсик посмотрел на меня с истинно кошачьим презрением, всем своим видом показывая, что он думает про «погладить», но послушно направился за весело хохочущей Китти.

Мы с Женевьев прошли в зал, где уже был накрыт стол. Утка с яблоками, маринованные овощи, ароматная картошка... Я словно вернулась в детство. Даже комната не очень изменилась за последние восемь лет. Нет, тут не было старой мебели или выцветших стен – мы никогда не жили бедно. Но новые вещи мало отличались от прежних. Диван, стол, камин – все осталось на своих местах. Наверное, это особенность маленьких, удаленных от цивилизации уголков – они неохотно принимают что-то новое и чуждое. Печально признавать, но чуждой тут стала я.

– Здравствуй, Валенси, – поздоровался Дэвид, но его взгляд не потеплел. Зять не был рад меня видеть, но это не имело значения. Мы знали друг друга, хотя никогда не общались. Ему не была интересна сопливая младшая сестричка подруги.

«А Раниону была», – мерзко шепнул внутренний голос, заставив вздрогнуть и напоминая о том, какая же я все-таки дрянь. Как только Женевьев терпит меня в своем доме?!

– Вина? – поинтересовался Дэвид, и я послушно кивнула. Наверное, стоит немного расслабить мозг.

А в следующий миг порыв ветра распахнул закрытое на защелку окно. В комнату ворвался вихрь снежинок, закрутился поземкой по ковру.

Испуганно вскрикнула Женевьев, кинувшись в спасительные объятия мужа, а я не могла сдвинуться с места, так как снежинки начали уплотняться и превратились в молодого

мужчину. Ослепительно красивого. Мое ледяное проклятье. Знакомые и в то же время незнакомые черты лица и холодный взгляд, от которого сердце на секунду превратилось в ледышку, а потом мигом оттаяло и снова пустилось вскачь, потому что кровь с удвоенной силой побежала по венам.

Ранион молчал, давал возможность хорошенько рассмотреть себя, понять, что же я тогда натворила. Не было больше улыбчивого обаяшки, от которого приходили в восторг и юные красотики, и их мамы, и младшие сестры. Передо мной стояло воплощение стихии – отстраненное, ледяное и, что пугало сильнее всего, совершенно неживое. Но невероятно прекрасное. Длинные серебристые волосы, которые трепал ветер, ворвавшийся вместе с Ранионом в дом, алебастрово-белая кожа. Ресницы, словно припорошенные снегом, и прозрачные ледяные глаза. Такие голубые, что кажется, в них навсегда замерзло летнее небо. Черная атласная рубашка лишь подчеркивала неестественную белизну его кожи. Ранион был прекрасен и недоступен, словно мастерски сделанная снежная скульптура.

– Ну, здравствуй, Валенси.

Он плавно переместился ближе, и меня обдало ледяной волной, когда Ранион остановился рядом.

– Не об этом ты мечтала, рыжая, когда делала меня таким? Так ведь? – с холодной усмешкой поинтересовался он и поднял руку к моему лицу. На секунду коснулся подушечкой пальца моей губы и повел линию вниз по подбородку. –

Ты стала красивой.

От его ледяного прикосновения по телу пробежала дрожь, а место, по которому Ранион провел пальцем, словно покрылось инеем. Не удивлюсь, если на щеке или скуле появится след от обморожения.

А ледяной обрисовал пальцем контур моих губ, и меня затрясло от холода.

– Мне было двенадцать! – глухо отозвалась я. – Единственное, о чем я могла мечтать, так это о том, что мы пойдем вечером гулять и будем любоваться закатом.

– По твоей милости я только этим и могу заниматься, – прошипел он. – Вот уже восемь лет. Тебе это не кажется несправедливым, Рыжик?

Я даже ответить не смогла, только шумно вздохнула. Женеьев и Дэвид тоже молчали. Я чувствовала их напряжение и страх. А еще ледяные пальцы, которые, прочертив холодную дорожку по моей щеке, скользнули к высокому вороту шерстяного платья, внезапно совершенно переставшего греть.

Надо что-то ответить. Я видела это по холодному интересу в льдистых глазах. Если молчать, будет только хуже. Но тут в комнату ворвался рыжий вихрь. Сначала со смехом вбежала Китти. Ледяной бросил на нее быстрый взгляд, но сделать ничего не успел. Девочку поймал и трепетно прижал к себе Дэвид, а вот пытающийся затормозить Пэрсик заскользил лапами по заледеневшему полу и врезался под колени Рани-

ону. Потом смешно замер, а мое сердце пропустило удар, потому что я испугалась за пушистика.

Однако кот величественно поднялся с задницы, словно не ехал на ней только что целый метр, отряхнулся и неожиданно с урчанием потерся о ноги Раниона, оставляя на дорогой черной ткани рыжие клочки шерсти.

На миг в глазах ледяного мелькнуло что-то человеческое. Он присел, потрепал кота за ухом. Правда, этот жест не вызвал у Пэрсика никаких положительных эмоций. Котейка у меня – тварюшка теплолюбивая, поэтому от прикосновения ледяной ладони к своей шубке рыжик отпрыгнул в сторону, затрясся от омерзения и задергал лапами, будто в миску ему положили несвежий корм. А я увидела изменившееся лицо Раниона. Всего миг в его глазах читалась такая боль, что сердце сжалось в тугой комок страха.

Потом ледяной рассыпался ворохом снежинок и порывом ветра улетел в мороз, оставив после себя стужу, небольшие сугробы и тающие льдинки.

Женевьев выдохнула и подскочила к окну, чтобы закрыть ставни и прогнать из комнаты холодный воздух, а я подошла к ней и остановилась за спиной. На темном небе виднелся серебристый силуэт стремительно удаляющегося ледяного дракона.

– Прости за то, что вернулась... – спустя какое-то время пробормотала я.

– Ты всегда действовала эмоциями, а не головой, – вздох-

нула сестра.

– Мне лучше уйти и не подвергать вас опасности.

– Да, так будет лучше, – подал Дэвид голос.

– Ты остаешься. – Женестье даже не взглянула на мужа. – Ранион найдет тебя везде, но не причинит вреда мне. Он знает: я не хотела, чтобы с ним это произошло. И до последнего пыталась исправить.

– Я тоже не хотела, – прошептала я, глотая слезы.

– Но все же сделала. И он никогда тебя не простит.

Глава 3

После посещения Раниона как ни в чем не бывало вели себя только Китти и Пэрсик. Пэрсик залез к племяшке на руки и нагло спер с ее тарелки кусок мяса, Дэвид явно был не в восторге от такого поведения приبلудной скотины. Ей-богу, я даже покраснела от стыда за своего домашнего питомца и попыталась отобрать у поганца добычу, но кот предусмотрительно сожрал ее в углу за шкафом, куда никто не смог дотянуться.

А Китти была просто счастлива. После ужина она лично отловила Пэрсика и сказала:

– Он спит со мной.

Я не была уверена, что мохнатый согласится, но кот покорно болтался в руках малявки и не делал попыток сбежать, напоминая жирную лохматую сардельку.

Женевьев отправилась укладывать дочку. Пользуясь случаем, я тоже ушла. Не хотела оставаться один на один с Дэвидом, испытывая необъяснимую скованность. Он хоть и молчал, но был сильно недоволен моим присутствием.

Сославшись на усталость, я сбежала в комнату. Требовалось время, чтобы все обдумать. Дэвид проводил меня тяжелым взглядом. Я его понимала. Именно я внесла сумятицу в их размеренную жизнь. И сейчас страдала по этому поводу.

Женевьев не обманула. Моя комната на втором этаже ни-

чуть не изменилась со времени отъезда. Домашний дух исправно наводил порядок. Пыли не было, вещи лежали на своих местах. Любимые куклы, книги, милые двенадцатилетней девочке безделушки, плед и подушка на окне, где я любила читать. И там же – старинная книга в кожаном переплете. Как напоминание о том, что маленьким ведьмам нельзя озвучивать свои желания.

Точнее, можно, но очень осторожно. Моим первым заклинанием стало проклятье. Я превратила того, кого боготворила, в безразличную и холодную ледяную статую. Ледяного дракона, который управляет стихией и обитает в замке на горе, потому что рядом с ним погибает все живое.

Когда Ранион и Женевьев объявили о своей помолвке, именно такой я чувствовала себя – маленькой замороженной девочкой, у которой перестало биться сердце. Ледяная сказочная история, которую я любила читать вечерами, злость и отчаяние дали импульс колоссальной силе, и она выплеснулась в уродливом проклятье, разрушившем сразу несколько жизней, одной из которых оказалась моя собственная. Почему тогда я сама не заледенела? По крайней мере, это было бы справедливо.

Сегодня я даже не смогла заставить себя подойти к подоконнику и впервые за восемь лет взять в руки любимую историю. Но помнила ее наизусть. Каждое слово. Только вот у сказочной истории была хорошая концовка. Ледяной дракон влюбился по-настоящему и оттаял. Но в душе моего ледяно-

го – только ненависть. Ненависть ко мне.

Сегодняшний день вымотал меня до предела, но я все равно думала, что не сумею уснуть. Едва закрывала глаза, перед ними возникал образ ледяного Раниона с мертвенно-бледной кожей, жестокой ухмылкой на губах и тоской в глазах. Он действительно не заслуживал того, что я с ним сотворила. Он имел право мне мстить. И если бы я знала, как искупить свою вину, непременно сделала бы это. Даже отдала свою жизнь, чтобы вернуть его собственную. Только вот жертва будет напрасна: проклятье она не снимет. Я подозревала, что проклятье не снимет ничего. Красивый финал сказки – это всего лишь красивый финал сказки. А в жизни был только потерянный, невероятно красивый ледяной дракон, которого я обрекла на вечное одиночество.

Холодный ветер пробрал до костей, скользнул под одеялом по голым ногам и заставил меня проснуться. В комнате было темно, только серебристый свет луны падал в открытое окно. Я подскочила и с ужасом уставилась на подоконник. На распахнутые настежь ставни и снег на ковре. А еще – на задумчиво разглядывающего меня Раниона.

Он сидел на подоконнике, прислонившись спиной к откосу, и наблюдал за мной. В длинных светлых волосах, словно изысканное украшение, запутались сосульки, а лицо в мертвенном свете луны казалось серебряным. Он напоминал призрака. Наверное, потому, что черное одеяние сменил на светло-серое. Узкие брюки, обтягивающие длинные ноги –

я сейчас хорошо видела выделяющуюся мышцу бедра, легкая рубашка с небрежно расстегнутыми пуговицами. Ранион был нереально и пугающе красив.

– Что ты здесь делаешь? – прошептала я, кутаясь в одеяло то ли от холода, то ли от страха. Кончик носа начал мерзнуть.

– Пришел насладиться своим триумфом. Ты стала красивой. Пожалуй, даже красивее, чем твоя сестра в этом возрасте. На такую тебя я бы запал. Серьезно.

Он говорил тихо и с усмешкой, а в моей груди свернулся ледяной комок. К горлу снова подступили слезы. Я мечтала о том, что понравлюсь ему, когда вырасту. Но и предположить не могла, что судьба повернет все так. Злая насмешка.

– Зачем ты издеваешься надо мной? – спросила тихо, зная ответ. Это месть, на которую он имеет право. – Чего ты хочешь?

– Сейчас я хочу гулять. Пошли. Мне очень скучно и нужно, чтобы кто-то меня развлекал. А ты мне должна, Рыжик. Очень сильно должна.

– Я никуда с тобой не пойду. – Комок страха сжал горло, и я упрямо замотала головой. – Там ночь, метель и зверский холод.

– Ну, допустим, метели не будет. А касаясь холода... тебе ли жаловаться? Это ведь все по твоей вине!

– Я и не спорю! Я знаю, что виновата на все сто процентов! Просто... ну что мне сделать?

– Тебе не стоило приезжать сюда, – с болью в голосе сказал

он. – Твоя мать прекрасно это понимала, Рыжик. Она знала: если ты попадешься мне, я уже не смогу тебя отпустить. Ты же хотела быть вместе? Ну собирайся, твоя мечта сбылась. Ни с одной другой женщиной я не могу быть настолько жесток.

– Я была ребенком.

– Ты меня убила, – жестко отрезал он. – Точнее, лучше бы убила. Надевай свою демонову шубу, иначе тебе придется гулять со мной в одеяле.

– А если я все же откажусь?

Ранион плавно переместился с подоконника и присел на край кровати. Холод стал почти нестерпимым.

– Тогда я заморожу к демонам весь этот проклятый город. Думаешь, вчера шел просто снегопад? Нет, я хотел отрезать тебе путь к отступлению. И если ты не оденешься сейчас и не начнешь улыбаться так, словно сбылась твоя самая заветная мечта (а ведь она и сбылась, правда ведь, маленькая сестричка?), то завтра с утра жителей ждет самое настоящее светопреставление. Им очень сильно повезет, если после моего гнева выживет хоть треть! Мне нечего терять, Рыжик, поэтому я не шучу. Хочешь взять на себя вину еще и за энное количество поломанных жизней?

Я сглотнула и помотала головой, понимая, что тот, в кого превратился мой солнечный Ранион, не шутит. Если я откажусь делать то, что он хочет, он действительно уничтожит всех без сожаления.

– Не хочу.

– Тогда прекращай пререкаться.

– Нужно одеться и выйти из дома так, чтобы не заметили сестра с мужем.

– Мне не нужны двери, Рыжик. И можешь переодеться прямо тут. Трогать тебя опасно. Я не готов убивать... Пока. Впервые за восемь лет мне стало интересно, но вот смотреть... Смотреть никто не запретит.

– Ты, – у меня пропали слова, – ты... Чудовище.

– Ты сделала меня таким. Собирайся, я теряю терпение.

Я сжала зубы и подчинилась. Ранион невыносимо пугал и раздражал. Как я вообще могла его обожать? Неужели это восемь лет в ледяном аду сделали его таким? Не может же человек измениться до неузнаваемости?

«Может, – шепнул внутренний голос, – особенно если его прокляли».

Липкий страх накатил и застрял комком в горле. Руки дрожали, и больше всего хотелось сбежать. Я знала: так называемая «прогулка» не принесет ничего хорошего. Я вообще не была уверена, что он не ведет меня убивать. Но и не подчиниться не могла.

Закутавшись в одеяло, проскользнула сначала к шкафу, а потом, выбрав одежду, – в ванную комнату. В спину прилетели снежинки и язвительный смешок. Этого нового, незнакомого мне Раниона я просто забавляла. словно экзотическая зверюшка. Точнее, как игрушка, которую подарили ка-

признаю ребенку. Она развлекает какое-то время, а потом ее можно сломать. И никто за это не отругает.

Выбор одежды был не так и велик. Я влезла в одолженное сестрой платье, унты из очень теплого, жесткого меха и в свою шубу с капюшоном. В таком виде и вышла в комнату, где Ранион развлекался, закручивая в воздухе спирали из снежинок.

– Ну что, готова окунуться в мою жизнь? – спросил он с холодной злой усмешкой.

– А если нет? Это что-то изменит? – поинтересовалась я, поджав губы.

– Ты же знаешь ответ, – заметил он, рассыпался снегом и, снежным вихрем подхватив меня, вылетел в окно. Ответ «нет» он не воспринимал.

Я завизжала, потому что вылетать из окна третьего этажа совсем не весело, взмахнула руками и ухватила за гребень на спине ледяного дракона, который стремительно набирал высоту.

Было страшно. Вряд ли Ранион спешил показать мне красоты долины. Даже через перчатки руки примерзали к ледяному гребню. Сидеть на холодной спине было некомфортно. Мы неслись куда-то сквозь бурю, и мне совсем не нравилось, как больно и зло колет щеки снег. Буря усилилась и сейчас раздавала оплеухи лишь потому, что Ранион оказался выше того, чтобы бить девушку. А вот поиздеваться другим способом ему ничто не мешало.

На фоне черного неба кружилась вьюга. Она завывала вверх и сливалась в плотный туман вниз, нельзя было различить ни дороги, ни дома. Вокруг бесновался ледяной кошмар. Я замерзала, а дракон все несся и несся, закладывая крутые виражи и потом резко падал вниз, заставляя меня орать. Руки тряслись, а я до окоченения сжимала пальцы и только шептала про себя: «Я выдержу», сама не особенно в это веря.

Когда я подумала, что страшнее быть уже не может, среди снежных смерчей начали сгущаться неясные фигуры. То справа, то слева слышался смех, меня хватали чьи-то руки. Увидев первое оскаленное лицо со щелкающими зубами, я едва не слетела со спины Раниона. Нет, нужно держаться что есть мочи. Он не будет меня ловить. Пожалуй, моя смерть его только обрадует.

– Кто это? Ранион! Куда ты меня несешь?

Но ледяной дракон молчал. То ли просто не хотел со мной разговаривать, то ли не мог в этом обличье. Сотканые из снега фигуры пугали. Они походили то ли на ледяных зубастых призраков, то ли на плод моего дурного воображения. Тянули ко мне свои холодные руки, хватили за волосы, которые покрылись льдом, дергали за шубу... Я рыдала в голос, не обращая внимания на то, что на щеках слезы превращались в ледяные дорожки. Когда показалось знакомое окно и Ранион забросил меня домой с ворохом снежинок, я упала на пол и замерла, боясь пошевелиться. Не могла поверить,

что убийственная прогулка завершилась.

– Как тебе наша прогулка? – как ни в чем не бывало поинтересовался ледяной. Все такой же невозмутимый, в растегнутой рубашке и с холодной усмешкой на губах. – Тебе понравился мой мир?

– Зачем тебе все это, Ран? Зачем? Хочешь меня убить?

– О, нет... – Он присел рядом со мной. – Это слишком просто. Ведь ты меня не убила. А знаешь, как часто за эти восемь лет я мечтал о смерти?

– Чего ты хочешь от меня?

– А разве это не очевидно, Рыжик? – усмехнулся он и накрутил мою прядь на палец, чтобы спустя секунду отпустить уже ледышку. – Мне скучно. И я хочу просто поиграть.

– Я живая, мной играть нельзя... – пискнула я, словно говорила Китти про Пэрсика.

– А я твоей милостью – нет. И буду играть или тобой, – он внимательно взглянул мне в глаза, чтобы до меня точно дошел смысл сказанного, – или этим городом. Решение за тобой, Рыжик. Если не будешь делать то, что я тебе скажу, наверное, я расстроюсь. А когда я расстраиваюсь, тут вечно что-то случается. Например, может замерзнуть экипаж, который курсирует между долиной и цивилизацией. Ты же не хочешь этого, Рыжик?

– Что с тобой стало, Ранион?

– Неправильный вопрос, Вал. Что ты со мной сделала в угоду глупой детской прихоти?

– Ты будешь мне мстить?

– Только мысли о мести не дали мне сойти с ума, пока я наблюдал, как моя девушка уходит к моему лучшему другу и рождает ему ребенка. В то время как я могу только заморозить к демонам это проклятое место. Поэтому я мечтал о встрече с тобой долгие восемь лет. И «ненавижу» в отношении тебя – слишком слабое слово.

Я сжалась на полу, а Ранион медленно поднялся, оставляя за собой стужу. Пол под коленями начал покрываться толстым слоем инея. Заледенели ножки кровати, а морозные узоры поползли по стенам, превращая мою комнату в ледяную темницу. Лед сковал дверь и косяк, прозрачной глазурью покрыл подоконник.

– Что ты делаешь? – дрожащим голосом спросила я. Но взгляд Раниона кричал о том, что это не конец, а только начало.

– Продолжаю нашу игру, беззащитный маленький котенок, – шепнул он морозом в мои приоткрытые губы. – Посмотрим, как долго ты продержишься в тех условиях, в которых я провел целых восемь лет.

– Все же убьешь? – с какой-то давящей на сердце обреченностью шепнула я, чувствуя, что не способна даже рыдать. В голове крутился вопрос «за что?», но даже на него я прекрасно знала ответ. Ответ, который не давал мне попросить пощады, потому что я это заслужила.

– Нет, пока я не настроен тебя убивать. Сделаю это, когда

станет совсем скучно. Но если ты отморозишь пару пальцев или ступню, рыдать не буду. Поверь.

– Я тебя ненавижу, – чувствуя приходящую на смену отчаянию злость, выкрикнула я.

– Нет, Рыжик. Это я тебя ненавижу. А ты меня любишь, как и восемь лет назад. Просто злишься, что чувства по-прежнему безответны. Но маленькое глупенькое сердце продолжает часто биться при моем приближении. Ты любишь меня даже таким, и это заводит. Еще одна причина не убивать тебя сразу. Любовь вперемешку со страданиями – это то, чего я ждал так долго.

После этих слов Ранион закрутил вокруг меня колючий вихрь из снежинок и убрался, хлопнув за собой окно. Лязгнули ставни, и тонко завибрировали стекла, но не разбились. Их тоже затянул лед, запечатывая меня в замороженной комнате. Тут было так холодно и страшно, что отчаяние захлестнуло с головой. Я боялась ледяного и своей новой жизни. Непонятно, как все это пережить и что он придумает на следующий день. А я уверена: он не оставит меня в покое даже ненадолго. Будет терзать, пока... а вот что «пока», я не знала. Пока я не сдамся? Так я уже сдалась. Пока я не умру? Так моя жизнь в его власти... Ответ пришел сам собой. Пока его не отпустит. Пока он сам не решит, что готов простить меня. Только тому, что я сделала, нет прощения.

Сидеть было холодно. Если не выберусь, то действительно могу себе что-нибудь отморозить. Ухватила за ручку и тут

же отдернула руку из-за обжигающего холода. Я оказалась в ловушке.

Заглянула в ванную, но краны даже не открылись. Пришлось искать какой-нибудь предмет, чтобы отколоть лед. У меня всегда были длинные волосы, поэтому шпилек в комнате оказалось много. Самыми острыми я попыталась расковырять дверь и выбраться из ледяной коробки, но ничего не получилось. Я зарыдала, чувствуя, как коченеют пальцы. Наверное, с утра обо мне вспомнят и кто-нибудь заглянет, но не уверена, что доживу до этого момента в целости и сохранности.

Сидеть и плакать было проще всего, но это вело к неминуемой гибели. Поэтому я бегала по комнате, кричала, стучала кулаками в дверь и даже пару раз ударила по льду стулом. Никакого видимого эффекта не добилась, зато согрелась. Лед, видимо, глушил все звуки и совсем не поддавался внешнему воздействию. Я устала, отчаяние накатило с новой силой. Хотелось упасть на пол и разрыдаться, но дверь внезапно открылась сама. Безо всяких усилий.

В комнату просунулось удивленное лицо Женевьев, а между ее ног скользнул Пэрсик. Он коснулся лапами ледяного пола, вздыбил на загравке шерсть и попятился, раздраженно дергая хвостом. Не понравилось.

А я с рыданиями бросилась вон.

– Что тут произошло? – удивленно спросила сестра и шагнула мне навстречу. Лед в комнате стремительно таял, сте-

кал волной по стенам, образовывал лужицы на полу. Покрывало на кровати тоже стало мокрым.

– О боже! Валенси! – всхлипнула сестра и кинулась меня обнимать. – Это сделал он, да? Скажи мне!

Я смогла только кивнуть и снова зашлась в рыданиях, а Женевьев увлекла меня в свою комнату.

Дэвид попытался возмутиться, но был изгнан. Я скинула мокрую шубу на пол, и сестра сразу отправила меня отогреться в душ. Я была ей за это благодарна. Пэрсик упорно тащился за мной следом, но я захлопнула дверь перед его носом. Меня трясло от холода и от пережитого. Как хорошо, что сестра дала время прийти в себя, а не накинулась сразу с вопросами.

Я включила горячую воду и замерла под ее напором. Струи били в спину, отогревали оковеневшие ступни и руки. Тело ломило так, что хотелось выть. А еще за шумом воды я почти не слышала разговор Женевьев и мужа. Уловила только обрывки слов Дэвида. «Это нельзя так оставить», «Она нас погубит» и «У тебя, кроме сестры, есть дочь...»

Я и сама понимала, какой опасности подвергаю Женевьев и ее семью. Наверное, и правда стоит подыскать себе другое жилье, но не завтра. Мне слишком страшно, чтобы уйти. Что ответила Женевьев, я не расслышала. Совсем не удивлюсь, если сестра выставит меня из дома. Слишком много неприятностей я доставляю.

Но когда я, кутаясь в теплый халат и натянув почти до ко-

лен шерстяные носки, вошла в комнату, на маленьком столике дымился чай и стоял мед. Женеьев сидела в кресле с Пэрсиком на руках, а вот Дэвида в комнате не оказалось.

– Мы решили, что будет лучше, если ты переночуешь тут со мной. А Дэвид поспит в гостевой спальне, – пояснила сестра, проследив за моим удивленным взглядом.

– Не стоит... – начала я, но она покачала головой.

– Так будет спокойнее. В первую очередь мне. Расскажешь, что произошло?

– Постараюсь.

– Впрочем, – она отмахнулась, – я представляю. Можешь не говорить. Это проделки Раниона. Совсем свихнулся.

– Он меня ненавидит.

– Он сошел с ума. Я с ним поговорю.

– Не нужно, Женеьев. Это опасно. Как вы меня нашли? Как ты вообще поняла, что мне требуется помощь?

– Это он, – сестра указала на Пэрсика. – Убежал от Китти. Разбудил меня и не отставал, пока не пошла за ним.

– Я не могла выйти из комнаты. Так страшно... А до этого... – Я закрыла руками лицо и разрыдалась. А когда немного успокоилась, все же смогла рассказать Женеьев, что со мной произошло.

– Тебе нужно поспать, – сказала сестра. Переложила мне под бок кота и укрыла одеялом. – Хочешь, дам успокоительный отвар?

– Нет, – помотала головой. – Не нужно.

– Спи, Вал, я что-нибудь придумаю.

– Ты не обязана мне помогать, я виновата. Это сотворила я, и он в своем праве.

– Нет. Не вправе, – жестко заявила сестра. – Ты была глупой маленькой девочкой, на эмоции которой не обращали внимания. Мы ведь с Раном видели, что ты его боготворишь. Нас это веселило. Мы виноваты не меньше, чем ты. Спи.

Глава 4

Метель закончилась к утру, так как я успокоился. Точнее, ненависть из буйной стадии перешла в отстраненно-холодную, и это отразилось на погоде. Я перестал словно угорелый носиться над долиной и бороться с желанием разнести все к снежным демонам и вернулся в замок.

Успокоиться стоило великих усилий. Я словно заново прожил тот день восемь лет назад, когда вместо крови по венам потек лед. Тогда я еще не понимал, что со мной произошло. Все казалось какой-то дурацкой шуткой, которая со дня на день прекратится, и я продолжу жить, как и прежде. Я не испытывал ненависти к Рыжику, она все еще оставалась милой сестричкой девушки, на которой я планировал жениться. Ненависть пришла позже, вместе с осознанием, что как раньше не будет уже никогда. Она разъедала мою душу день за днем, пока не стала единственной целью никчемного существования. Я превратился в чудовище не только внешне, но и в душе. Тогда Валенси создала идеальное ледяное чудовище, которое не остановится ни перед чем в желании покуситься.

Я мечтал, что наступит день, и я смогу отомстить. Рыжика прятали хорошо. Там, куда я не мог добраться. Но судьба расставляет все по своим местам, и теперь Валенси в моей власти. Я не звал ее, не пытался заманить, не шантажировал

Жен (хотя мог бы), чтобы она выдала мне сестру. Рыжик сама приехала сюда, а значит, мои руки развязаны.

Демоны, как же сложно оказалось сегодня сдержаться и не убить ее сразу. Такая хрупкая, наивная, с огромными колдовскими глазами и кудряшками, которые мороз превратил в свисающие вокруг заплаканного личика сосульки. В этот миг из глубин души подняла голову жалость, отравив минутой торжества, и тогда я психанул. Оставил ее в этой ледяной коробке на верную смерть. Потом еще долго летал над городом и мучился угрызениями совести. Хотя к чему они? Валенси заслужила все эти страдания. Они лишь малая часть того, через что пришлось пройти мне. Так почему же я малодушно решил ее отпустить и даже развернулся обратно к окну? Но в комнате Рыжика уже не было. Ее кто-то выпустил. Наверное, Женевьев. Она хорошо меня знала и понимала, как я зол.

Сейчас на долину упал трескучий мороз. Такой сильный, что передохнет половина птиц в округе. Просто не долетят до теплых домов. Да и людям лучше не высовываться сегодня на улицу. Опасно. Этот мороз – отражение состояния моей души. После гнева и злости мне нужно было успокоиться, поэтому я выбрался в мастерскую, расположенную на заднем дворе. Физическая работа и творческий процесс – лучшие способы усмирить гнев. Для работы со снегом и льдом требовалась низкая температура. К тому же сейчас я мог либо психовать и заваливать долину снегом, либо куль-

тивировать ледяное спокойствие. Думаю, снега людям достаточно. Морозы они, правда, тоже не любили. Но иного я предложить не мог. И виновата в этом маленькая рыжая дрянь с оленьими глазами!

Я никогда не знал, что у меня получится на выходе. За исключением, пожалуй, сегодняшнего дня. Сегодня я вырезал из ледяной глыбы чуть вздернутый нос Валенси, ее полные чувственные губы и эти оленьи напуганные глазищи. Будто это не она восемь лет назад отправила меня в ад одним взмахом вот этих длинных ресниц. Будто не ее губы шепнули слова проклятья, и моей жизни пришел конец.

Она уехала в теплые страны, подальше от ледяного монстра, моя невеста вышла замуж за моего лучшего друга, а я? А я вынужден сидеть в своем ледяном замке на горе и не портить им жизнь? Если я смог убедить себя не трогать Дэвида и Женевьев – все же они не виноваты в случившемся (хотя лучший друг вполне мог выбрать себе любую другую девушку), то Валенси... Валенси была виновата по всем статьям.

Когда я заметил под холмом карету, которая по извилистой горной дороге подбиралась к моему убежищу, очень удивился. Во-первых, гости у меня бывают нечасто, во-вторых, с погодой я действительно перестарался. Город не успели толком очистить от снега после ночной бури, от мороза птицы примерзали к веткам, а кто-то решил нанести мне визит? Так странно. Впрочем, я подозревал, кто это мог быть.

Видеть никого не хотелось, и первой мыслью было устроить занос на подъезде к замку. Мне ничего не стоило сделать дорогу непроходимой. Наверное, я так и поступил бы, но был слишком увлечен, вырезая лицо Валенси. Такое живое, почти настоящее. Не получились только кудри, пришлось сделать прямые длинные волосы, которые трепал ветер.

Эта льдянка вышла почти безупречной. Осталось доработать пропорции фигуры, которая получилась лучше, чем была у тощего Рыжика. Полная, красивой формы грудь, узкая талия и длинные ноги. Идеальная ледяная спутница, которую хотелось уничтожить одним взмахом руки, потому что в ней, как и во мне, не было жизни. А я до зубовного скрежета желал согреться теплом маленькой рыжей Валенси. Только ее тепло не обогреет меня, лишь даст секунду облегчения. А вот мои прикосновения – это путь в ад. Впрочем, именно там я и приготовил ей место.

– Господин, к вам гости, – прошелестело над ухом.

Леван – один из первых созданных мною снежных помощников – умел приближаться неслышно даже для меня. Он не имел формы и состоял из вороха снежинок. Это уже позже я понял, что в качестве обслуживающего персонала мне нравятся фигуристые снежные девушки. Я назвал их льдянки.

Я кивнул, и вихрь снежинок прокатился по двору, скрывшись за воротами.

– Ран... – раздался за спиной голос, и я лениво развернулся. Даже не сомневался в том, что навестить меня решила

моя бывшая.

– На улице холодно, Жен, зря ты вышла из дома. Не боишься замерзнуть?

– Я не могла не прийти, – заметила она, кутаясь в длинную, до пола, шубу. – Это ведь представление для меня? Вьюги, каких не было несколько лет, этот дикий холод... Снова пытаешься привлечь внимание?

– Ты самонадеянна. Теперь все для нее. Для твоей маленькой сестрички.

Женевьев была забавна, как щенок, который лает на прохожих. Ему не дают пинка сапогом лишь по одной причине: слишком мал, чтобы причинить вред.

– Что это? – Женевьев сморщилась, увидев у меня за спиной ледяную скульптуру. – Ран, ты совсем свихнулся и вырезал из снега голую Валенси? Ты и правда извращенец.

– Ну, во-первых, если подходить формально, у скульптуры твоя фигура и ее голова. Будем честны: твоя сестренка как была тощей, так и осталась. Ну и потом, должны же у меня быть развлечения? Я бы мог целовать, допустим, тебя... – Женевьев шарахнулась в сторону, едва я приблизился, а на ее ресницы осел иней. – Видишь, тебе не хочется. Могу твою сестренку. Только ты же знаешь, к чему это приведет. Но, боюсь, мое терпение рано или поздно закончится. И я пока не решил, кого выберу.

– Не смей, не убивай ее! – всхлипнула Жен так натурально, что ледяное сердце на миг вздрогнуло.

– Пока я не хочу ее убивать, хочу поиграть. И поэтому делаю себе ледяную помощницу. Ты же видела моих ледянок – они послушные и красивые.

– И холодные, как сугроб! – не удержалась Женевьев.

И очень зря.

– Да, это проблема. Но те горячие женщины, к которым меня тянет, слишком ценный ресурс, чтобы их так вот расточительно использовать. Хотя по поводу Валенси я подумаю, она ведь была в меня влюблена. Маленькая рыжая мышка. С ней будет очень интересно играть.

– Не обижай ее, Ран, – взмолилась Женевьев. – Она не игрушка. Игра с тобой ее просто убьет.

– Ты же знаешь, Жен, мне скучно. Я злюсь на весь мир, на тебя, и на Дэвида тоже. Думаешь, я бы не хотел, чтобы на твоих руках сидела наша дочь? Не мешай. Иначе я вспомню, что ты, пусть и невольно, тоже причинила мне много боли. Я уже злюсь, и ты знаешь, чем чревата моя злость для долины. Ты ведь хочешь сегодня добраться домой? Еще несколько минут такого разговора, и тебе придется ночевать в моем замке. Что на это скажет твой муженек?

Женевьев сглотнула и чуть отступила. В ее глазах появился страх, а ведь раньше в них плескалась любовь. Пока ее дрянная сестричка все не уничтожила.

– Ра-ан... – на глазах Женевьев появились слезы.

– Ни слова больше. Или я играю с Валенси, или с твоей семьей. Я ясно выразился? Если ты сейчас останешься, зна-

чит, ты выбрала игру со мной. Я ведь не целовал тебя с тех пор, как стал таким. Хочешь попробовать?

Женевьев, как я и предполагал, шарахнулась в сторону и сбежала. Как я и ожидал.

А я даже себе признаваться не хотел, что слова про поцелуй остались просто словами. Когда закрывал глаза, то видел совсем другие губы. Кажется, младшая сестричка все же добилась своего, и я обратил на нее внимание. Только вот доставят ли ей радость мои ухаживания?

Я думал, что хуже, чем в первые дни после проклятья, уже не будет. Но ошибался. Тогда во мне теплилась надежда, сейчас же умерла и она. Точнее, умерла она намного раньше, но приезд Валенси и визит Женевьев пробили брешь в ледяной броне и заставили чувствовать боль. Забытое ощущение, она была несчастным гостем. Обычно ее подменяли злость и ненависть.

Стамеска полетела в сторону и воткнулась точно в лоб одному из ледяных охранников, которые всегда находились рядом, — молчаливые, незаметные и послушные. Я даже не давал им имена. Какой смысл одушевлять ледяного прислужника, который представляет собой глыбу льда и минимальную магическую искру?

Ледяной великан вынул из лба инструмент и протянул его мне с учтивым поклоном, заставившим почувствовать себя особенно отвратительным монстром. Срывать злость на тех, кто не способен тебе ответить, совсем низко.

Минутный выплеск ярости ничего не дал. Не полегчало. Работа была почти завершена, только вот удовольствия она совсем не приносила. Визит Женеьев разбередил старые раны. Хотелось устроить снежный апокалипсис, но люди вряд ли отошли от ночной бури. Нужно держать себя в руках. Слишком много невинных жертв – это нехорошо.

Оживлять льдянку тоже расхотелось. Сейчас я видел, насколько она проигрывает живому оригиналу. Снег и лед не могут передать всю красоту теплого человеческого тела. Испуг в глазах, едва дрогнувшую улыбку на пухлых губах... Ее одинаково сильно хотелось убить и поцеловать. Соблазн был почти непреодолимым, потому что мой поцелуй почти на сто процентов означал ее смерть. Я еще сдерживался, но потребность увидеть Вал сводила с ума.

Я несколько раз обошел вокруг ледяной скульптуры, устраняя невидимые недостатки, доводя до ума и шлифуя. А когда понял, что льдянка почти идеальна, сложил ладони лодочкой, зажигая в них холодный огонь ледяной магии. Огонек рос у меня в руках, пока не стал напоминать пылающее сердце. Его я прижал к груди льдянки и отступил, наблюдая, как внутри белоснежного тела скульптуры пробегают синие искры. Снег впитал магию, и она теперь светилась только в нечеловеческих глазах.

– Мой господин, – прошептала с придыханием девушка и хлопнула длинными белоснежными ресницами.

– Добро пожаловать в этот мир, Лидия... – Это имя ей

подходило. Такое же мягкое и льдистое.

Льдянка потянулась, совершенно не стесняясь собственной наготы, и уверенно шагнула навстречу, закидывая изящные руки мне на шею.

– Чего господин желает?

– Тебя, – шепнул в приоткрытые холодные губы, понимая, что вру даже разговаривающей ледышке, лишенной мозга и сознания. Она просто ледяная говорящая кукла, суррогат, который должен заменить живую женщину. Но никогда не заменит. Сколько таких красавиц было за последние восемь лет? Никто не дал мне элементарного – тепла. И именно за это я ненавидел Валенси.

* * *

После ночных потрясений я спала долго и крепко, в обнимку с громко мурлыкающим Пэрсиком. Он никуда не уходил, словно сторожил мой покой. Если бы теплый рыжий кот мог защитить меня от ненависти ледяного монстра, которого я сама создала! Но увы, Пэрсик мог только греть мой бок ночью и выпрашивать еду.

Мне не хотелось вставать и просыпаться не хотелось. Под уютным одеялом я могла на секунду представить, что счастлива и спокойна. Реальность была слишком страшной. Даже не получалось придумать, где бы я хотела открыть глаза. В одном месте меня ждал жених-предатель, который обещал

устроить веселую жизнь, если я не покорюсь и не выйду за него замуж, а в другом терзал Ранион.

Мысли отравили ядом, и я все же вылезла из-под невесомого пухового одеяла. Натянула шерстяное платье и спустилась в гостиную.

Китти играла на полу у камина. Увидев Пэрсика, она с диким восторженным воплем переключилась на кота. Я явно проигрывала пушистому поганцу, так как на меня малышка даже не обратила внимания. Женестье в гостиной не оказалось, зато был Дэвид, который смотрел на меня тяжелым, не предвещающим ничего хорошего взглядом. Мне стало не по себе.

– Проснулась? – спросил он. – Пойдем, покажу, где кухня. Завтрак уже готов. Даже кофе еще не остыл.

Вопреки взгляду, говорил муж сестры вежливо и ровно.

– А где Жен? – поинтересовалась я испуганно.

– А ты как думаешь? – с вызовом спросил он.

– Не знаю... – Я сглотнула, потому что определенные догадки в голове мелькнули и очень мне не понравились.

– Прекрасно знаешь, Валенси. Ты зря приехала сюда. И твое присутствие, оно... угрожает моей семье. Женестье будет защищать тебя до последнего, хотя... после того, что ты сотворила, это странно.

– Да, я сглупила, приехав сюда! – голос сорвался. Я чувствовала, что сейчас разревусь. Ведь я же не по своей воле тут осталась. – Но сейчас уже ничего поделать не могу. Или

ты думаешь, я не пыталась уехать?! И потом, что бы я ни сотворила, ты от этого только выиграл.

– Именно поэтому я помогу тебе, – произнес он, словно не замечая, что я нахожусь на грани истерики. – Вот, держи.

Зять достал из кармана связку ключей и протянул их мне. Я взяла на автомате и только потом спросила:

– Что это?

– Женевьев будет предлагать тебе остаться, но то, что произошло ночью... Ты же понимаешь: если это повторится, пострадать могут невинные люди. Та же Китти. Пойми, я не имею ничего против тебя. Даже против ледяного монстра, который когда-то был моим другом. Но я не хочу, чтобы жизнь моей жены и дочери подвергалась опасности. Это ключи от моей квартиры. Она мне осталась в наследство от бабушки. Какое-то время до нашей с Женевьев свадьбы я даже там жил. Потом мы ее сдавали. Квартиранты съехали вчера. Она твоя. По крайней мере, пока все не разрешится.

Между слов четко читалось: «Пока Ранион наконец-то тебя не убьет». Но я молчала и не озвучивала такую очевидную мысль. Как и Дэвид.

– У меня к тебе всего одна лишь просьба, – добавил он.

– Какая?

– Скажи моей жене, что решение съехать принадлежит только тебе.

– А ключи?

– Ты искала квартиру, поскольку привыкла жить одна и

тебе так удобнее. А я помог. Пойми, она не остановится. Жен до сих пор считает, что имеет над ним какую-то власть. А это опасно. Он не трогает ее, потому что... — Дэвид сбился. — Жен единственное, что объединяет его с миром живых. И думаю, он невольно цепляется за эту соломинку. Но рано или поздно ему надоест, и тогда она станет очередным болезненным воспоминанием. Ты же знаешь, что с такими воспоминаниями делают?

— Уничтожают, — шепнула я.

— Вот именно. Но Жен этого не понимает. Она считает его чуть ли не другом, который не причинит ей вреда.

— Может быть, она не так уж и не права, — осторожно заметила я.

— Может быть, но меньше всего я хочу, чтобы это было так. Он отпустил ее, дал нам жить спокойно, а потом появилась ты. Я не хочу, чтобы все изменилось. Я не против тебя, Валенси, но я защищаю свою семью и свое счастье. Женевьев уехала к нему с утра, в мороз, и до сих пор не вернулась. А уже почти полдень. Я переживаю, но не могу ничего сделать и ей помочь. Защитить свою возлюбленную от Раниона не в моих силах. Я даже увезти ее из города не могу. Не усложняй, пожалуйста, и без того непростую ситуацию.

— Хорошо, — я кивнула. — А в гости-то приходить можно?

— Можно. И Пэрсика приводит. Кажется, они с Китти подружились.

Дэвид настолько жаждал избавиться от меня, что вызвал-

ся помочь с переездом. Он откровенно не хотел, чтобы я оставалась в их доме, а мне требовалось разнообразить гардероб и подумать. Нет, я не собиралась сбежать, не попрощавшись с Женеви́ев, но сейчас была в слишком расстроенных чувствах, чтобы ждать сестру здесь. Поэтому, перепоручив Пэрсика и свои вещи Дэвиду, я оделась потеплее и отправилась гулять, надеясь, что сосредоточение всех магазинов и кофеен по-прежнему находится на центральной площади города.

Сегодня было холодно, просто зверски холодно. Руки замерзали даже в варежках, изо рта вырывались облачка пара, а ресницы сразу же покрыл иней. Ранион издевался надо мной, а вместе со мной – и над жителями города.

Из-за такой погоды неспешной прогулки не получилось. Я с трудом преодолела пару кварталов, едва не отморозила щеки и нос и забежала в ближайшую кофейню, чтобы перевести дух. Тут было тепло, немногочисленно, пахло выпечкой и кофе с корицей. Удивительно приятное место с улыбчивой хозяйкой.

Я устроилась за столиком возле окна и стала ждать заказ. Отсюда город смотрелся милым, укутанным снегом и совсем безобидным. По этим улицам хотелось гулять, и снежок, который ветер сдувал с крыш, казался мягким, а не колючим, словно осколки стекла. Сноухельм был обманчиво красивым, ему хотелось верить. Но я знала: этого делать нельзя.

Кофе, который мне принесли, оказался горячим и ароматным. Только вот я не успела сделать и глотка, как напиток в простой фарфоровой чашке начал стремительно остывать. Сначала я недоуменно смотрела на то, как кофейная пенка покрывается ледяной корочкой, а потом ладони обожгла замороженная насквозь ручка. Я вскрикнула и разжала пальцы. Чашка разбилась вдребезги, как и превратившийся в ледышку кофе. Оконное стекло, рядом с которым я сидела, затянуло морозными узорами, и мне показалось, что где-то на заднем фоне послышался издевательский смех.

Пришлось оплачивать чашку, извиняться и бежать как можно быстрее, так и оставшись без кофе.

– Как тебе мир без тепла? – шепнул на ухо морозный воздух. Раниона не было рядом, он следовал по пятам завывающим ветром и путался под ногами снежной поземкой. Я пыталась не отвечать, только ускоряла шаг, стараясь как можно быстрее преодолеть улицу и нырнуть в гостеприимно пахнутые ворота торгового дома.

– Не нужно игнорировать меня, Валенси!

Снежинки больно впились в щеки, а ветер содрал с головы капюшон и растрепал волосы, которые тут же замерзли и стали жесткими. Я нырнула в спасительное тепло торгового дома. Ветер и поземка просочились за мной. Интересно, сколько еще форм у Раниона? Я его прокляла, но сама не знала, во что сумела превратить сильного и перспективного мага-стихийника. Ирония заключалась в том, что в тот вечер

своей магии я начисто лишилась. Остались крупички, позволившие закончить магическую академию. Но только теоретический факультет.

Глава 5

Я собиралась не видеть и не замечать ледяного. По крайней мере, пока у меня есть хоть малейшая возможность. Подумаешь, снежная поземка под ногами. При такой погоде совершенно неудивительно, что в приоткрытую дверь или форточку влетают снежинки. Я настроилась хотя бы чуть-чуть взбодриться и переключиться, выбирая одежду.

Мода в Сноухельме сильно отличалась от южной. Это и понятно. Выглядеть красиво, когда примерзаешь к пудренице, очень сложно, поэтому тут проявляли хитрость и смекалку. В моде были длинные невесомые платья из материала, напоминающего морозные узоры на стекле. Их ткали из очень теплой шерсти амапак, обитающих в горах. Меха животных был густым и очень нежным. Стоили такие вещи недешево, но я могла себе это позволить, спасибо бабушкиному наследству.

Первый же магазин меня покориł и очаровал. В этом месте я сразу почувствовала себя сказочной снежной принцессой. Только вот принц у меня бракованный. И вместо любви у него в сердце ненависть.

Я брела мимо вешалок и манекенов с кружевными, невесомыми и, по заверению производителя, удивительно теплыми нарядами, а по полу вилась поземка. Девушки-продавщицы поглядывали на меня настороженно. Незнакомое ли-

цо в дорогом магазине привлекало внимание, а стихия у моих ног пугала. Но я и не нуждалась в помощниках. Размер я свой знала и примерно представляла, что хочу. Просто тут было столько всего красивого, что глаза разбегались. В итоге я остановилась на нескольких моделях. Все длинные, в пол, на плотном подкладе из светло-серой ткани. А сверху – узоры: снежинки, завитушки, просто абстрактные линии.

Одно платье светло-голубое, другое снежно-белое, с тонкой серебряной нитью, вплетенной в орнамент, а третье – глубокого изумрудного цвета. Оно не очень вписывалось в снежно-зимний колорит города, но я знала, что будет смотреться на мне очень хорошо. Также я сделала себе отметку взять что-нибудь в подарок Женевьев. Сестра не отвернулась от меня, и я это очень ценила. Возможно, у нее этих платьев целый шкаф, но я знала свою сестру. Еще одному она точно обрадуется.

Единственное, что портило впечатление от покупок, это не пропадающее ощущение холода. Он скользил по ногам, промораживал пол там, где я ступала. Пару раз я едва не поскользнулась, когда вместо плитки под моими ногами оказывался лед. Ранион изводил меня мелочно и как-то по-детски, но, слава богу, не показывался на глаза. Видимо, не хотел демонстрировать свое присутствие местным. Интересно, почему?

Я сгребла понравившиеся платья и отправилась в примерочную. Настораживало то, что пробирающий до костей ве-

тер со снежинками скользнул по полу в приоткрытую дверь кабинки. Ощутимо похолодало. Когда я стягивала теплое платье, мороз пробрался по обнаженной спине и рукам. Я поежилась и едва не вскрикнула, когда в стремительно замерзающем зеркале позади себя увидела обретающую материальность фигуру ледяного.

– Ты что творишь?! – зашипела я, пытаюсь прикрыться, но цепкие и обжигающе холодные пальцы сжали горло. Стало страшно даже шевелиться. Я замерла, словно послушная марионетка, стараясь не думать о том, что на мне лишь тонкое кружевное белье, сквозь которое просматривались сжавшиеся от холода соски.

Я видела его взгляд в отражении – злой и удовлетворенный. Казалось, Ранион впитывает исходящий от меня страх и наслаждается им.

Ранион потянул меня назад и заставил прижаться спиной к себе. Мне показалось, что я прислоняюсь к совершенной ледяной статуе.

– Мне холодно, – взмолилась я, чувствуя на глазах слезы. Но он не думал убирать руку и отстраняться, только сдавил горло сильнее и шепнул на ухо:

– Думаешь, мне нет?

Свободная рука Раниона скользнула по моей щеке. Я видела в отражении, что кожа покрывается кристалликами льда. По спине и рукам пробежали мурашки, я стремительно замерзала, а он наблюдал за мной из-под опущенных снеж-

но-белых ресниц. Холодное, словно северный ветер, дыхание у шеи заставляло дрожать.

Я забыла, как дышать, когда Ранион все же освободил мое горло. Но мужская рука скользнула ниже по груди, туда, где шла кружевная каемка лифчика.

– Ты стала невероятно красивой, Рыжик.

– Не надо, – шепнула я, прикрывая глаза и стараясь не смотреть на пальцы, скользящие к моему соску. Но не чувствовать прикосновения было невозможно – словно кубиком льда ведут по разгоряченной коже.

– Мы только начали с тобой, Рыжик, – припечатал он и ужалил шею поцелуем. Я прикусила губу, чтобы не закричать. Слезы брызнули из глаз, а когда ледяной отстранился, на моей шее у ключицы осталась отметина – бледное пятно с розоватыми краями, след от морозного поцелуя. Так выглядят обмороженные щеки.

– Я пометил тебя, – усмехнулся он. – А теперь готов наблюдать за твоей примеркой!

– Да пошел ты! – всхлипнула я, поспешно оделась и выскочила из примерочной под хрустальный хохот.

– Ничего не подобрали? – устремились вслед за мной девочки-продавщицы, но я лишь отмахнулась и выскочила на улицу. Проклятый холод преследовал меня везде. Окоченевшие пальцы ног и рук, замерзающие на щеках слезы. Не хотелось ничего. Какая разница, когда замерзнуть насмерть: прямо сейчас в ближайшем сугробе или когда этого захочет ле-

дяной? А ведь я знала, что все закончится именно так.

– Эй, – раздался незнакомый голос, – почему такая красивая девушка плачет? В наших краях это чревато обморожением.

Я развернулась и увидела за спиной парня. Несмотря на мороз, он был простоволосым, в расстегнутом полушубке. Черные, слегка припорошенные снегом волосы, шальная улыбка на смуглом лице.

– Привет, я Вар!

– Валенси, – шепнула я.

– Не грусти, Валенси, – подмигнул мне парень и достал из-за спины настоящую живую розу. – Держи, это тебе.

– Но... – Я опешила. – Спасибо, но она же погибнет, пока я донесу ее до тепла.

– Это повод поспешить, – заметил он. – А вообще, самое главное – донеси до тепла себя. Рыдать на морозе – это не самое лучшее занятие. Холод не прощает ошибок, он коварен.

Уж это я знала очень хорошо, но вслух заметила совсем другое:

– Спасибо. За то, что поднял настроение, – улыбнулась я, чувствуя, как отступает отчаяние.

– Я держу тут цветочный магазин и всегда рад гостям, – подмигнул он и скрылся за раздвижными дверями, на которых был нарисован букет.

Я с улыбкой пошла в сторону дома, прикрывая розу рукой. Только вот от ледяного монстра не так просто спастись. Уже

через метр налетел ветер и покрыл хрупкий цветок тонкой коркой льда.

– Не забывай, что ты – моя игрушка, – шепнула на ухо метель, и порыв ветра вырвал розу из рук. Хрупкий, скованный льдом цветок разлетелся в мелкие осколки, которые раскидало по мостовой.

Я даже не удивилась, поэтому не испытала ничего кроме поднимающейся в душе злости и только ускорила шаг.

– Вал, что случилось? Дэвид сказал, что ты решила переехать?

Женевьев встревоженно кинулась навстречу, едва я переступила порог дома.

– Что с тобой? Ты сама не своя.

– Мне лучше действительно съехать, – безжизненным голосом произнесла я. – Он не отстанет, пока не убьет. Случайно, или ему просто надоест играть со мной. Не хочу, чтобы вы оказались под угрозой. Это неправильно.

– Вал... – пробормотала Женевьев, и на ее глазах заблестели слезы. Я чувствовала, что сестра хочет возразить и не может, потому что понимает: я права.

– Напоишь чаем? – спросила я. – А то замерзла. Может быть, он даст мне согреться в первый раз за день.

– Он доставал тебя сегодня, да? – сочувствующе спросила сестра.

– Давай не будем об этом, – отмахнулась я. – Просто очень надеюсь, что у него есть еще какие-то дела кроме как изде-

ваться надо мной. Тогда, возможно, получится спокойно попить чаю. Кофе замерз у меня прямо в кружке.

– Мерзавец.

– Просто больной на голову, – отмахнулась я. – Больной по моей вине. Все нормально.

– Нет, Валенси, это не нормально. Мы должны это исправить.

– Исправить можно, только обратив вспять проклятье. Но даже это не поможет. Что изменит его жизнь, если ты замужем за другим и воспитываешь дочь?

– Да, ты права, ничего, – грустно кивнула сестра. – Может быть, он просто отстанет от тебя и отпустит нас всех?

– Ты сама в это веришь?

Обхватив руками чашку с горячим чаем, я зажмурилась, чувствуя ладонями обжигающее тепло. Я медленно отогревалась, и это было такое волшебное чувство, что хотелось мурчать от удовольствия. Только сейчас я внезапно осознала: а что, если внутренний, заставляющий дрожать холод – это то, что чувствовал Ранион последние восемь лет? Многие дни и годы без возможности согреться и оттаять? Стало страшно за него, и снова накатила тоска. Что же я натворила и как это исправить? Ответа не было.

Я допила чай, попрощалась с Китти и отправилась в свою новую квартиру, которая находилась на другом конце улицы. Женевьев порывалась проводить меня, но я не видела смысла. Окна хорошо видно отсюда, уж не заблужусь. А если ле-

дяной захочет заявить о своем присутствии, Женеvьев меня не спасет.

Я закуталась в меховую шубу почти до самого носа, натянула капюшон и перебежала дорогу, сразу же нырнув в подъезд. Тут были цветы на подоконниках и высокие лестничные пролеты. На каждом этаже по две квартиры и одна под самой крышей – та, которую занимала я. Немного нервничала, открывая дверь, но когда зашла, словно попала домой.

Ко мне с мявом кинулся Пэрсик, который почти весь день сидел тут один, а потом взгляд упал на пакеты с фирменным знаком. Сегодня видела такой на вывеске магазина, в котором меня поджидал Ранион.

Осторожно заглянула внутрь и обомлела. Платья. Те три, которые я приглядела, и еще несколько того же размера, но других расцветок и фасонов. Еще пакет с новой, очень теплой шубой, искрящейся от магии, теплые сапожки и записка.

«Рыжик, если ты замерзнешь и умрешь, мне будет не с кем играть».

Я чувствовала, как дрожат руки. Смотрела на пакеты, словно там поселился ядовитый скорпион. Душу раздирали противоречивые чувства: благодарность и злость, страх и жалость... И все это было щедро замешано на коктейле из безысходности и страха.

Я просто игрушка в его руках. Игрушка, которую ледяной сломает, как только она перестанет вызывать интерес. И ни малейшего понимания, что с этим можно сделать. Попы-

таться разрушить проклятье? Или убить Раниона? Обе мысли были одинаково бредовыми и неосуществимыми. Я создала безупречного ледяного монстра и стала его жертвой.

Пакеты с одеждой выбили из колеи окончательно. Прежде всего они означали, что я никуда не денусь от Раниона. Он найдет меня везде. В любую секунду меня может сковать мороз, окна могут покрыться инеем, и в моем уютном мире наступит зима.

Это пугало, поэтому я обошла платья стороной, стараясь даже не смотреть в сторону покупок, и начала изучать место, где мне придется жить. Предполагаю, до самой смерти. Почему-то я была уверена: стараниями Раниона смерть наступит раньше, чем я состарюсь.

Комната небольшая. В углу диван. Он же служил и кроватью. Шкаф, трюмо, книжные полки и камин, возле которого стояло кресло-качалка. На него был небрежно накинут вязаный плед. Пожалуй, этот уютный уголок понравился мне больше всего. Наверное, приятно устроиться тут с книжкой и чашкой имбирного чая, когда за окном завывает выюга. Только вот в моей реальности выюга будет завывать, боюсь, внутри помещения.

Кухонька была совсем маленькой. Я поставила чайник и присела на высокий стул у окна, уставившись на заснеженную улицу и горящие окна дома напротив. Где-то там, за задвинутыми шторами, бегала Китти, а Женеьев готовила ужин.

– Маленькую неуютную сестричку выставили прочь, – раздался насмешливый голос над ухом, и по спине пробежал холодок, а на рукав упали первые снежинки.

– Снова заморозишь мой напиток? – безразлично отозвалась я. – Сейчас это чай.

– Нет, Рыжик. Два раза одно и то же делать неинтересно. Не с тобой.

– Тогда что ты будешь делать? – спросила я и, повернувшись, уставилась в безразличные голубые глаза.

– Пока не решил. Но будь уверена, непременно придумаю что-нибудь занятное. А пока мне нравится просто наблюдать за тобой. Такая потерянная и никому не нужная. Прямо как я эти восемь лет.

– Поверь, быть потерянной и ненужной мне не привыкать. Я выросла одна.

– Ах да, тебя же скрывали от меня в теплых странах. Так и сидела бы на берегу моря. Зачем приперлась? Дразнить меня?

– Может быть, у меня свой резон бежать с побережья?

– А, то есть там ты тоже кому-то испортила жизнь? Как интересно.

– Это не твое дело, – отозвалась я.

– Очень даже мое, – уперся он. – Но мы обсудим это позже. А пока я хочу, чтобы ты все же примерила одно из купленных платьев. Я хочу этого с утра, а ты обломала меня в примерочной.

– Я не собираюсь устраивать тебе тут показ мод.

– А зря! – отозвался Ранион и уселся в кресло-качалку. – Ну же, Валенси, раздевайся. Обещаю не трогать тебя и не портить мебель. Поверь, предложение щедрое, и второй раз я его повторять не буду.

Ранион разглядывал меня так, что захотелось прикрыться руками, будто я уже стояла перед ним обнаженной. Некстати вспомнилась сцена в примерочной. Тогда мне было не до смущения, мной владел только страх, но сейчас от воспоминаний задрожали колени. Ранион был так близко, что явно успел все рассмотреть. Зачем же он сейчас просит повторения? Только вот задавать вопрос не имеет смысла, все равно не ответит.

– Если я примерю платье, ты уберешься отсюда и не будешь меня доставать? – дрожащим голосом спросила я, ожидая какой угодно реакции. Но Ранион воспринял мои слова вполне миролюбиво.

– Хорошо. – Он пожал плечами. – Но только сегодня. И лишь в том случае, если ты снимешь лифчик.

От его слов кровь хлынула к щекам, и мне стало жарко. Очень странное ощущение возле Раниона, рядом с которым обычно сковывал холод.

– Это платье не предполагает отсутствия нижнего белья, – постаралась как можно ровнее заметить я. – Поэтому нет, я не буду снимать лифчик.

– Разумный довод. – Парень усмехнулся, и у меня екнуло

сердце от его нереальной и недостижимой красоты. – Но тогда завтра ты со мной поужинаешь.

– Ты морозишь мои напитки. Боюсь представить, что случится с моей едой.

Переводить разговор в шутку было очень тяжело. Я не знала, как общаться с тем, кто поставил своей целью уничтожить тебя и морально, и физически.

– Я же ледяной, Рыжик. Но завтра дам тебе нормально поесть. Если есть ты будешь в моей компании.

– Так понимаю, если не в твоей, то придется голодать?

– Какая ты проницательная.

– Чего ты хочешь? – устало спросила я.

– Сейчас – обещанную примерку.

– Не сейчас. Вообще.

– Вообще, я хочу быть живым, Валенси, – тихо произнес он и перенесся ко мне. Холодное дыхание морозом пробежало по губам. – Но ты ведь понимаешь, даже это не изменит мою жизнь. Я хочу вернуться в тот день и все исправить. Но это невозможно.

– Я тоже этого хочу. Даже если ты мне не веришь.

– Ну почему же не верю? – Он удивленно приподнял бровь. – Охотно верю. Ты была маленькой и сотворила глупость, о которой тут же пожалела. И жалеешь до сих пор. Только вот, Рыжик, мне от твоей жалости... хотелось бы сказать – ни жарко, ни холодно. Только жар я не испытывал уже восемь лет. Я не могу великодушно простить малышку, кото-

рая меня совершенно случайно прокляла. Так, из-за плохого настроения. Ты сломала мне жизнь, разрушила мои мечты и обрекла на это невозможное существование.

– Так убей меня взамен или прокляни! – в сердцах воскликнула я.

Находиться рядом с ним было нереально тяжело. Меня бросало то в жар от откровенных взглядов, то в холод из-за того, что Ранион стоял слишком близко. Если бы он хотел, он мог бы наклониться и поцеловать. Но я боялась его поцелуя до дрожащих коленок, потому что хотела жить.

– Видишь ли, Рыжик, я не хочу тебя убивать, – с легкой грустью заметил Ранион, словно его самого печалил этот факт. – Пока. Поэтому стаскивай свое платье праведницы и влезай в другое, красивое. Не заставляй меня вспоминать о том, как сильно я хочу обидеть тебя. Заставить почувствовать то, что чувствую я. Просто выполни свое обещание, и я исчезну из твоей жизни до завтрашнего вечера.

Руки дрожали, когда я стаскивала через голову платье. Не знаю, чего ожидал Ранион, но вытряхивание из одежды точно получилось неэротичным. Я нервничала, стеснялась и поэтому вообще не смогла стащить его с первого раза. Запуталась в воротнике, зацепилась тканью за цепочку, а когда под невозмутимым взглядом Раниона осталась в нижнем белье, которое он, к слову сказать, уже видел, поняла, что платье я не приготовила. Придется идти через всю комнату к пакетам и выбирать. Точнее, хватать первое попавшееся.

Сложнее всего было это проделать, не пытаясь прикрыться руками. Я чувствовала себя очень неловко, несмотря на то что в примерочной уже стояла перед Ранионом практически обнаженной.

– Возьми голубое, – приказал ледяной, жадно разглядывая меня. Его глаза сейчас тоже были неестественно голубыми, выделяясь на бледном лице.

Я чувствовала лопатками оценивающий взгляд. По спине пробегали мурашки, а кожа, казалось, сейчас покроется морозными узорами, хотя и холодно-то мне не было. Просто его присутствие действовало подобным образом.

Достав из пакета невесомое голубое платье и даже как следует не рассмотрев, я тут же натянула его, стараясь как можно быстрее скрыться от жадного мужского взгляда. Когда-то я мечтала привлечь внимание Раниона. Но сейчас, спустя восемь лет, по-прежнему не знала, что с этим вниманием делать. И даже не потому, что парень стал воплощением ледяной стихии – холодным и недостижимым. Просто такие взгляды заставляли меня смущаться и краснеть. Хотелось провалиться сквозь землю. Особенно когда я поняла, что самостоятельно застегнуть ряд мелких, идущих по спине пуговиц невозможно. Это просто нереально сделать в одиночестве.

Я покрутилась и так, и этак, застегнула несколько у поясицы, изогнулась, но продвинуться выше лопаток не смогла.

– Дальше не получается, – потерянно призналась я. Вообще, я надеялась, что такой «примерки» окажется достаточно,

но Ранион по-своему истолковал мой беспомощный взгляд. Он хищно улыбнулся и поднялся из кресла. Одно смазанное движение – и ледяной очутился за моей спиной.

– Помочь?

Казалось, он задал вопрос, но ловкие пальцы уже скользнули по полоске обнаженной кожи, заставив вздрогнуть от ледяного прикосновения.

– По-моему, и так понятно, как оно сидит. А ты обещал меня не трогать.

– А я и не трогаю, – проникновенно заметил он. – Я просто помогаю в том, с чем ты не можешь справиться сама.

Я стояла и боялась пошевелиться, но Ранион был верен своему слову. Просто осторожно и неторопливо застегнул все мелкие жемчужные пуговички, а потом сделал нечто совершенно неожиданное. Дернул за шпильки, и мои тяжелые длинные волосы рассыпались по плечам. Потом ледяной повернул меня и уставился своими нереальными глазами, в глубине которых я увидела то, что заставило меня попятиться.

– Ты опасно красива, – признался он с болью, хрустнувшей в голосе весенним льдом. Холодная ладонь чуть коснулась моей щеки, и Ранион намотал на палец прядь волос, которая тут же заледенела. Я не успела ответить, как он рассыпался снежным вихрем, который пробежал по комнате и унесся в приоткрытую форточку.

Глава 6

Быть рядом с ней невыносимо. Такая живая, юная и соблазнительная. Интересно, она сама понимает, насколько красива? Чувствует ту власть, которой обладает? Пока я сидел там, в кресле, и смотрел, как она лениво стягивает с себя платье, а потом в двух кружевных кусочках ткани прохаживается по комнате и соблазнительно изгибается, пытаюсь застегнуть непослушные пуговицы, не знаю, чего хотел сильнее: убить ее или обладать ею.

Хотелось подойти сзади, обнять, с силой притянуть к себе, развернуть и впиться в сочные губы поцелуем. Но ей было холодно рядом со мной. Им всем было холодно. Раньше я пытался отогреться рядом с живыми женщинами, но это было нереально. Пару раз я остановился на грани. Нет, они теряли от меня голову, пожалуй, я привлекал их даже сильнее, чем раньше. Необычной внешностью, способностями... Потом они хотели растопить меня и мое сердце. Только, увы, это невозможно. А вот я вполне мог заморозить кого угодно, и Валенси тоже.

Интересно, каково это – наблюдать за тем, как она умирает от наслаждения в моих объятиях? Замерзает от поцелуев. Руки холодеют, а Валенси просит еще и еще, понимая, что это последние мгновения ее жизни. И убивают ее мои поцелуи.

Картина вышла заманчивая, только вот я не готов ее убить. Не сейчас. Возможно, когда я решу, что пора, смерть девушки будет именно такой. Валенси погубила меня во имя детской влюбленности, а ее саму погубит вполне осознанная любовь ко мне. Я верил, что где-то в глубине души этой роковой красавицы еще сидит маленькая девочка, которая меня когда-то боготворила.

Ну а пока нужно проветриться. Пролететь вьюгой над городом, повалить парочку деревьев порывами ветра, засыпать подъездной путь – все равно к утру расчистят. Жители наловчились, и заносы им были не страшны. Да я и не особенно старался. Гонял по дороге снежные барханы. Вьюга шла по улицам, с завыванием билась в стекла, и я начал успокаиваться. Только в последний раз решил пролететь мимо ее окон. Вдруг еще не погасила свет? Вдруг еще не спит, а может, думает обо мне?

То, что я увидел, заставило рассмеяться. Валенси определенно думала обо мне. Нелепо изогнувшись, девушка пыталась растянуть треклятое платье. Она закусывала губы, хмурила брови и, кажется, ругалась сквозь сжатые зубы. У ее ног крутился толстый Рыжий кот. Хорош зверь. Именно он так забавно и брезгливо тряс лапами, когда я пытался его погладить. Не знаю почему, но поведение наглого животного тогда обидело.

Затаившись за окном, я намеревался понаблюдать за забавным действием. Я просто сбежал от нее. Сбежал, чтобы

не наделать глупостей. И о том, что если платье нереально застегнуть, то и расстегнуть будет проблематично, как-то не подумал. Зато сейчас меня ждало весьма интересное представление.

* * *

После того как Ранион неожиданно испарился, я какое-то время не могла прийти в себя. Его присутствие, оказывается, невероятно выматывало.

Прикрыв форточку, я упала в кресло у камина, спрятав пылающее лицо в руках. От его прикосновений шел мороз по коже и горели щеки. Руки дрожали до сих пор. Он снова видел меня практически обнаженной, но зато до завтрашнего вечера я свободна. Если он, конечно, сочтет нужным сдержать обещание. Раньше всегда сдерживал. Но я уже успела заметить, что за последние восемь лет очень многое изменилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.